

АЛЕКСАНДР КОЛУПАЕВ

ЗАВЕЩАНИЕ ВЕЛИКОГО ШАМАНА

Книга первая

16+

Александр Колупаев

**Завещание великого
шамана. Книга 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Колупаев А. А.

Завещание великого шамана. Книга 1 / А. А. Колупаев —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-0912-4

Офицер-десантник выносит из боя раненого товарища. Отец спасенного призывает его к себе и нарекает сыном. Старик - верховный шаман, ему подвластны тайны бытия. В день смерти шаман приказывает своим сыновьям, родному и приемному, пройти посвящение. В таинственном обряде они получают доступ к памяти кремниевого «компьютера». Узнав, что человечество - прихоть цивилизации, именуемой «система», - наши герои воздействуют на неё. Система допускает их к путешествию во времени и делает доступным новый мир. Жестокие нравы средневековья привели общество к войнам. Жизнь целого народа поставлена в угоду кучки людей, захвативших власть.

ISBN 978-5-5321-0912-4

© Колупаев А. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Глава восьмая	33
Глава девятая	38
Глава десятая	41
Глава одиннадцатая	44
Глава двенадцатая	47
Глава тринадцатая	50
Глава четырнадцатая	53
Глава пятнадцатая	56
Глава шестнадцатая	60
Глава семнадцатая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава первая

– Саня, здравствуй! Брат, как ты там? Как дела? Здоровье твоё как?

Этот голос, даже слегка искаженный сотовым телефоном, я узнал бы из тысячи. Звонил мой однополчанин – Николай. Мы с ним не только четыре года топтали плац славного десантного училища в старинном русском городе Пскове, но и прошли две локальные войны на Кавказе.

– Колян, брательник, как я рад тебя слышать! У меня все отлично! Как ты там? Как родня? Женился, наверное?

– Да, женился! Две дочки уже, большие, приедешь – увидишь! Слушай, у нас связь не всегда хорошая, давай сразу к делу: отец у меня умирать собрался, тебя срочно зовет: «Хочу, говорит, перед смертью, обнять своего младшего сына. Хочу при всех назвать его сыном, пусть все знают человека, подарившего мне не только надежду увидеть старшего сына, но и вернувшего его живым в мой дом!» Приезжай Саня, серьезно все это, отец не шутит, сказал, что умирать будет – значит умрет!

– Хорошо, хорошо, давай, через день – дела улажу и вылетаю. До Барнаула самолетом, а там автобусом до Горно-Алтайска. Как только билет возьму, созвонимся!

– Смотри, брат, второй раз обещаешь, хочешь, чтобы я больше не верил тебе?

– Николай, дорогой ты мой братишка, на этот раз точно буду! Я же тебе объяснял, что не мог тогда выехать, не мог подвести людей, они поверили в меня! Но на этот раз точно у тебя буду!

– Спасибо, братка, в городе я тебя встречу: приеду на машине и буду ждать на вокзале. Пока, брат!

– Пока, пока! Секунд пять я еще слушал гудки отбоя, потом положил телефон на край стола.

– Петрович, я и не знал, что у тебя есть брат! Это где-то на Алтае? Горно-Алтайск – краевой центр, вроде.

Геннадий Николаевич, бухгалтер нашего авторемонтного комбината, положив папку с документами в сейф, с нескрываемым любопытством смотрел на меня.

– Да, это там. Названный брат звонил. Так получилось, что на одном из заданий нашей группе пришлось с боем отходить к своим. Николая ранило в плечо и ногу. Выносил из боя я его на себе. Километра три, отстреливаясь одиночными выстрелами, отходили мы к перевалу. Там и подобрали нас вертушки. Вот Николай с тех пор и стал считать меня своим братом. Зовет вот в гости. Отец, говорит, хочет поблагодарить меня за спасение сына.

– Съезди, Петрович, ты полтора года как без отпуска. Отдохнешь там немного. На Алтае природа, говорят, хорошая, мед опять же славится. Май кончается, лето через недельку, купаться опять же скоро можно будет. Мы тут без тебя сами справимся.

– Геннадий Николаевич, узнай, когда самолет до Барнаула. Закажи мне на завтра билет, лучше на вторую половину дня.

– Сделаю, Александр Петрович, сделаю! Сейчас спущусь к себе, возьму данные вашего паспорта и по интернету закажу.

– Лады! Позови ко мне старшего мастера и Алексея заодно.

– Сейчас покличу обоих!

Главбух аккуратно закрыл за собой двери.

Стул слегка скрипнул, когда я, придвинув его к столу, сел.

Машинально провел рукой по левой щеке, шрам давно уже не беспокоил, но привычка трогать его осталась. Странная штука – эта память, вот услышал голос Николая, и словно снова резануло болью, болью воспоминаний.

Жар от раскаленных полуденным солнцем камней прожигал, казалось даже через многослойный материал бронежилета. Слегка ныл ушибленный при падении локоть. Судорожно глотая воздух, я старался успокоить бешено бьющееся сердце. Взрыв гранаты гранатомета грохнул чуть выше того места, где секунд двадцать назад была моя огневая точка. Осколки басовитыми шмелями ввинтились в воздух. «Поздно, – с некоторым ехидством подумал я – Кто не успел, тот не попал!» Перекрестьем оптического прицела снайперской винтовки поймал бегущую вверх по склону фигурку. «Спокойно, спокойно!» – уговаривал я все еще рвущееся после быстрого бега сердце. Выстрел – одним преследователем стало меньше.

Наша разведгруппа состояла из трех человек: я – командир группы и по совместительству снайпер, Серега, автоматчик и отличный кулачный боец и Николай – этот слегка медлительный крепыш, так ловко управлялся с ручным пулеметом, что, казалось, может одной очередью перерезать пополам любую мишень. Только сейчас ему было не до пулемета: раненный в правую руку и ногу, лежал он, привалившись к валуну и широкоскулое, слегка смуглое лицо его, было бледным от боли и потери крови.

– Командир, уноси раненого, я их задержу! – крикнул мне Серега.

– Слева, вдоль реки, трое обходят, они обрывом прикроются и в тыл выйдут. Впереди тропа к горе прижимается, там им не пройти и не обойти нас! Давай, я продержусь, ты успеешь только раньше их выйти.

На войне секунды, вырванные у противника, порой цена жизни. Только успел я опустить раненого и приподняться на дрожащих от усталости ногах, как хлестнуло, обожгло щеку острой болью. «Чуть правее и вынесло бы глаз вместе с половиной мозга!» – промелькнула мысль в голове. Отгоняя противную мысль о смерти, я торопливо шарил прицелом своей «снайперки» по небольшой лощинке, тянущейся от реки. «Вот они, голубчики!» Трое, в камуфляже, бежали к тропе на перевале. «Чёрт! Так близко подошли!», – как-то даже буднично подумал я, все ещё не успев осознать опасность. Зайди эти трое к нам в тыл, и всё: мы у них как на ладони. «Как там Серега? Подойдут на бросок гранаты – и пиши, пропало!» Низкий, стрекочущий звук, стремительно нарастая, заметался, забился между склонами. «Вертушки, наши вертушки! Как они здесь оказались?»

Две светло-зеленые стрекозы, стремительно вылетели из-за поворота, описав полукруг, прошли над атакующими нашу группу. Забились, затрепетали огоньки авиационных пушек, выбивая каменное крошево, поднимая фонтанчики пыли среди убегающих преследователей. «Ага, не нравится!» – возликовал я, выпеливая убегающих вдоль реки. Стрелять в спины не смог. Один вертолет, снизившись, завис над небольшой площадкой метрах в двухстах. «Черт, до чего же тяжеленный этот чукча!» – беззлобно выругался я, взваливая Николая на спину. «Я не чукча, я Алтай-Кизи», – слабым голосом запротестовал тот.

«Очнулся! Жить будешь, держись, брат, до вертушки совсем ничего осталось, потерпи немного!» «Брат...», – с тихим стоном повторил Николай и снова потерял сознание. «Давай, давай, – махал рукой второй пилот из раскрытой двери вертолета.

Едва я успел развернуться спиной к двери, как две пары сильных рук подхватили раненого. «Серега!» «Я, командир! Как только сыпанули вертушки из пулеметов, они разбежались.... Давай помогу...», – подтолкнул он меня.

Следом забросил пулемет Николая и, перекатившись через порог, растянулся на дюралевом полу вертолета.

– Александр Петрович, звали? – прервал мои воспоминания голос Алексея.

– Звал, заходи Лёха, – махнул я ему рукой.

Вместе с ним в двери протиснулся и старший мастер, мой тезка, Александр Фёдорович.

– Вот что, ребята, завтра я уезжаю в Сибирь, а точнее – на Алтай, вас оставляю за себя.

– А как же встреча в администрации? Мы же должны предоставить макет автозавода и согласовать сроки выдачи технического задания для проекта? – старший мастер даже привстал со стула.

– А вот вы и представите и согласуете, там моя подпись необязательна, вот Алексей подробно остановится на блоках завода, а вы, Александр Фёдорович, обстоятельно, слышите, обстоятельно! Сделаете представление социально-общественной части. Детский садик, школа, стадион магазины и все такое.... Городская администрация любит посмаковать эту часть проекта. Да, не забудьте напомнить, что наш фонд финансирует тридцать процентов производства и половину социалки. Они там сразу мягче станут и ускорят все бумажные дела. А ты, Алексей, как будущий главный инженер завода...

– Я?! Главный инженер завода?! – изумился Алексей.

– Ну не я же? Да и от Александра Фёдоровича пользы больше будет на должности главного технолога. Ты у нас на каком курсе? На втором?

– Да, двенадцатого на сессию. Второй курс кончаю.

– Хвостов у тебя нет, на третий курс переведешься на очное отделение, я звонил, они тебя возьмут. Все расходы по обучению фонд берет на себя.

– А как же работа? Как наша разработка по объекту номер один?

– Вот там и будешь разрабатывать, да и каникулы тебе на что? Привыкай...

– Надолго, на Алтай собрался Петрович? – старший мастер подошел к макету автозавода и задумчиво рассматривал раскрашенные в веселые тона корпуса цехов.

– Дела семейные улажу и вернусь, думаю, за недельку управлюсь.

– Так у тебя семья вроде как в Питере, дядя вроде один только?

– Да, дядя и тетя! Вот ещё и брат на Алтае, зовет познакомиться с отцом.

– Отец объявился?! И брат?

– Да нет! Это не родной брат. Я раненого сослуживца из боя вынес, вот мы с той поры и побратались.... Неудобно получилось, год назад ещё обещал быть у него, а все никак собраться не мог...

– Ничего, раз так, поезжай и не волнуйся там, все сделаем в лучшем виде! Представим макет, и администрацию порадуем, и архитекторов поторопим. Вот только ты, Петрович, заставь Алексея патлы причесать, да галстук надеть! А то будущий главный инженер как хиппи какой-то ходит!

– Причем здесь моя прическа?! – запротестовал Алексей – А галстук меня давит, ходишь как с петлей на шее!

– Ничего, походишь, попривыкнешь! Для дела ведь надо! – прервал я их перепалку.

Запищал зуммер внутреннего коммутатора.

– Да, Геннадий Николаевич, я слушаю вас!

– Билет до Новосибирска, так ближе до Горно-Алтайска, рейс шестьсот сорок два, время отправления четырнадцать тридцать, место шестнадцать, правда с пересадкой в Новосибирске, на самолет местных авиалиний, но место бронируется.

– Спасибо, Геннадий Николаевич, спасибо! Ну, вот слышали – четырнадцать тридцать, время отправления. Значит так, мою машину возьмете себе, вам на согласование, да на представление надо. Я доберусь до аэропорта на такси.

Глава вторая

Самолет, мягко подвывая турбинами, разворачивался у здания аэропорта. Я с любопытством всматривался в проплывающие за иллюминатором здания, частично скрытые буйной зеленью деревьев, довольно многочисленные для сурового климата этих мест. Всё пытался рассмотреть в толпе встречающих Николая. Так как мой багаж состоял только из одной ручной клади, я сразу направился к выходу в город. Не успел сделать несколько шагов, как очутился в медвежьей хватке объятий Николая.

– Саня! – во, даже то, как он коверкает мое имя, до сих пор осталось прежним, – Брат, как я рад тебя видеть!

– Колян, я тоже рад, только отпусти, чертяка, а то ребра сломаешь!

Отпустил. Пожали руки и, коснувшись лбами, замерли в молчании. Дохнуло, накатило училищем, десантурой и палаточно – походным бытом прошлых лет.

– Рад, очень рад тебя видеть! Поверь, отец обрадуется очень!

– Как он? – помня о последнем разговоре с Николаем, спросил я. – Что говорят врачи?

– Какие врачи? Ты чё, Саня, у нас в аиле одна фельдшерица, да разве поможет чем она? От старости лекарства нет! Старик у меня с двадцатого года, нынче девяносто четыре стукнуло. Заладил, зови названного брата, хочу перед смертью назвать его младшим сыном. Обряд анукай делать буду.

– Что за обряд такой? – Николай сноровисто прилаживал какие-то тюки, баулы и чемоданы в багажник потрепанного УАЗика.

– Это что-то вроде передачи наследства или власти.

– А зачем мне ваше наследство? И тем более власть? – изумился я.

– Это не материальное наследство. Скорее номинальная магическая власть. Вот по дороге, все тебе расскажу и объясню. Ехать нам часов пять, к ночи в Чарукае будем, если мост через Чарыш не затопит.

– Так дождей у вас вроде как уже неделю нет и не предвидится.

– Дождей точно нет. А вот ледники в горах таять начали, тепло стоит, вот вода и прибывает.

Николай показал мне на переднюю дверь, сам сел за руль.

– Давай, садись, нам еще женщин из магазина забрать надо.

Пока Николай держал путь к магазину, где оставил женщин из своего аила, я вспомнил, как мы познакомились с ним.

Было это на утренней поверке. Когда лейтенант выкрикнул фамилию: «Николаев», мой сосед четко ответил: «Я!» Типично русскую фамилию носил широкоскулый, заметно узкоглазый парень. По внешнему виду – монгол или казах.

Позднее, когда мы умывались, мой недоуменный вопрос он разрешил просто: «Алтай – кижы я, вы называете ещё – алтайцы». Вот не знал, что есть такая национальность!

Есть. Народ, исстари населяющий Алтай. Племя скотоводов, охотников и рыбаков, терпимое и гонимое более сильными соседями, нашло свой дом среди горных круч. Потом, когда и койки наши в казарме оказались рядом, объяснил он мне, что алтай – кижы не монголы, а скорее родственное племя хакасам и даже японцам. Не знаю врожденная ли это была привычка или суровая сибирская природа наложила на его характер черты спокойной рассудительности, основательности и уверенности. Все это вместе с недюжинной силой, помогало алтайцу с типично русской фамилией стойко сносить все тяготы десантной службы. Может и далее служил бы в рядах вооруженных сил России лейтенант Николай Николаевич Николаев, только вот ранения в плечо и ногу полностью перервали его послужной список. Осталось на память

о тех днях, легкая хромота да упрямое желание всегда и везде следовать лозунгу десантуры: «Кто если не мы!»

Вот и сейчас, забирая сумки и многочисленные пакеты у трех женщин, сноровисто размещал он покупки в салоне машины. А те, здороваясь, бросали быстрые и любопытные взгляды на меня. Еще бы – когда из-за одного человека сам Николаев, глава крепкого фермерского хозяйства, забросив все дела, с утра торчал в аэропорту?

Часа через два нашего путешествия асфальт закончился, и дальше нас повела гравийная дорога. Была она хорошо укатана, хотя и трясло на ухабах, но скорость была за шестьдесят километров в час. За это время мы с Николаем успели обсудить местные новости, вспомнить наши армейские будни. Мимоходом он называл горы, реки и многочисленные речушки, мелькавшие под мостами, щедро попадавшимися на нашем пути.

В горах темнеет быстро. Стоило солнышку зацепиться за одну из горных вершин, как серые тени легли на дно долины, по которой мы ехали. Кусты и деревья вдоль дороги в свете фар приобрели причудливые очертания, казалась: горные духи вышли поприветствовать ночных путников.

– Все, почти приехали, вот перевал проскочим и дома! – Николай перешел на пониженную передачу, мотор заработал с некоторой натугой и дорога, вильнув поворотом, пошла в гору. После перевала горы, разбежавшись в стороны, открыли нашему взору, обширную долину. В слабом свете заката можно было рассмотреть вдали три ущелья, веером прорезавшие горы. Почти в центре долины виднелись огни поселка.

– Вот он, наш Чулмыш, до перестройки жителей было почти три тысячи. Сейчас едва и половина наберется. Мы с тобой женщин завезем по домам и к отцу, он ждет.

Сумки, пакеты и ящики разгружали уже в темноте при свете уличных фонарей.

– Домой пока не приглашаю, все равно супруга у отца, идем туда.

Дом отца Николая стоял почти в центре села. Старый бревенчатый дом, добротная крыша из оцинкованной жести, ограда из тесовых дощечек. Вот только ворота: толстые листовенные кряжи, буквально увитые затейливой резьбой, их створки и калитка поражали своей массивностью и прочностью.

– Интересные ворота, основательно сделанные, что не скажешь об изгороди, – заметил я Николаю, который пропускал меня вперед, придерживая калитку.

– Это отличительный знак.

Николай шагал за мной по деревянной дорожке, ведущей от калитки да крыльца.

– Знак чего?

– Все объясню, все потом узнаешь, давай договоримся, что ты не будешь ничему удивляться и если не знаешь, как поступить, – смотри на меня.

– Идет, – согласился я, и мы шагнули из сеней, освещенных тусклой лампочкой в комнате.

Яркий свет, льющийся из хрустальной люстры с тысячами замысловатых висюлек, на мгновение ослепил меня. Когда глаза попривыкли к этому ярко-переливчатому свету, я с удивлением оглядел комнату, куда мы вошли.

Слева, почти одну треть помещения занимала русская печь. Нет, это была не печь, это было произведение искусства.

Разноцветные изразцы, маленькие шкафчики с дверцами из черного дерева, отдушины и колонны, над которыми изрядно потрудились резчик. Справа стену украшал ковер, на нем висели старинные сабли, перекрещивались ружья и пистолеты с изогнутыми курками. Тяжелый бархат драпировал вход в другую комнату. Точно между двух окон, под полотнищами темно – красных штор, стояло кресло. Сидящий в нем пожилой человек мало чем был похож на Николая. Это был уставший от жизни старик, невозмутимо взирающий на мир у его ног. Сухие руки сложены были на рукоятке самодельной трости. Одет он был в темно-синий бархатный

полукафтан, такие же шаровары, заправленные в сапоги коричневой кожи с меховой опушкой. Чуть поодаль его, почти прижавшись к стене, стояло с десяток людей, в основном женщины. Все хранили молчание.

Николай слегка коснулся моей руки и сделал пару шагов вперед. Я стал рядом с ним.

Старик приподнялся с кресла, тотчас под руки его подхватили две женщины. Он властным движением руки остановил их.

Неторопливо подошел к нам, передал трость подскочившей девчущке и, немного склонив голову набок, словно орел, рассматривающий добычу, уставился на меня.

– Так вот ты какой, спаситель моего сына и моего рода, лейтенант Александр Холмин!

Голос у этого очень пожилого человека был звонким и полным жизненного задора, голос певца, горного пастуха который утром, выгнав стадо, поет в горах и эхо множит и вторит его бесхитростной песни.

– Добро пожаловать в мой дом, дорогой гость! Все, что есть у меня, пусть служит тебе! Тебе мой почет и уважение, самый важный гость в моей жизни!

Признаюсь, даже смутился от такого приветствия и лишь пробормотал что-то вроде: «Здрассте, спасибо».

Старший Николаев повернулся к сыну, похлопал его по плечу, развернулся и, дойдя до кресла, устало опустился в него.

Стройная женщина с длинной черной косой подошла к Николаю и прикоснулась лбом к едва приподнятой правой руке. Затем она подошла ко мне, я кивнул ей головой и поздоровался.

Николай жестом показал мне на мою правую руку. Я протянул её для пожатия. Женщина улыбнулась, взяв мою руку, опустила её вниз. Следующая родственница так же повторила жест приветствия, но к моей руке только прикоснулась своей правой рукой. Когда все поприветствовали нас таким странным образом, мой друг пригласил меня в соседнюю комнату. Два шустрых паренька уже перенесли кресло с его отцом, и он сидел за столом.

Слева и справа от него стояли стулья с высокими резными спинками, а вот остальным место было приготовлено за длинным низеньким столом, да и стульев у них не было. Вместо стульев на пол, покрытый узорным ковром, были брошены небольшие цветные подушки. Отец указал сыну на стул справа от себя, таким же жестом предложил мне сесть слева. Столы буквально ломились от еды. Не стану описывать наш пир, скажу только, что еда была по-деревенски простой и вкусной. Особенно вкусным было мясо. Оно в изобилии было и вареное, и жареное, и запеченное на углях. За ужином беседовали мало. Несколько фраз на гортанном языке отец сказал сыну, затем, сославшись на усталость, поддерживаемый внуком, удалился в спальню. Ужин закончился чаем, и мы отправились в дом Николая. Там уже хозяйничали его жена и две дочки.

– Идем на улицу, подышим воздухом, – потянул Николай меня за рукав пиджака.

Ночь в горах – особенная ночь. Воздух, напоенный ароматами последних дней мая, дышал то теплом разогретых скал, а то упруго толкался холодком речной долины, откуда доносились трели соловьев. Звезды яркие и крупные, подмигивали нам с высоты. Сразу и не сориентироваться в знакомых созвездиях этого бархатно – темного шатра, опрокинувшегося над нашими головами.

– Завтра отец будет называть тебя своим младшим сыном, я думаю, ты не откажешь умирающему старому человеку в этом?

– Не откажу, только почему ты каким-то странно потухшим голосом сообщаем мне это?

– Тут такое дело.... Видишь ли, мой отец не простой человек, он шаман, и не простой шаман, а как бы это сказать... Верховный шаман, главнее его на нашей земле нет шамана.

– Вот те и на! Ты же сам говорил, что твой отец был коммунистом и даже занимал какую-то руководящую должность?

– Да, был... и занимал.... Председателем нашего аила проработал двадцать пять лет! Только и тогда он был шаманом. Камлал, правда, тайком, но большое камлание каждые три года проводил всегда. На него донос был в райком партии, вызвали и грозились исключить и с работы выгнать, так он поехал в краевой комитет, добился приема у первого секретаря.

О чем они говорили, никто не знает.... Только, когда вернулся домой, того кто донес, исключили из партии, да из аила он уехал, никто с ним не захотел даже разговаривать. Отец сильным был шаманом, очень сильным, знаешь, он не только любую болезнь видел, но и мысли читать мог! Вот смерть свою он тоже знает.

– Это ты перегнул! Никому не известна дата своей смерти, – слегка усмехнулся я.

– Простому человеку это и вправду неизвестно, а вот отец знает! Да что отец, мой дед и прадед, и его дед – все были великие шаманы! И все знали дату смерти, и все умерли в день и час, который называли.

– Это из области фантастики! Впрочем, легко проверить – по датам на памятниках.

– А могил у великих шаманов нет...

– Как нет?! Сжигаете вы их что ли?

– Нет, не сжигаем, вот отец умрет завтра, мы с тобой его хоронить будем, там и увидишь его могилу, да и всех великих шаманов увидишь.

– Как это?! – изумился я.

– Да это что-то вроде склепа, внутри горы. Пещера есть такая, очень скрытая, в неё может попасть только великий шаман или его наместник. Всем остальным – путь заказан. Если кто и пойдет следом, духи горы его не пустят.

– Ты говоришь, что никто кроме великого шамана, а как же мы тогда пройдем?

– В день похорон великого шамана, духи горы пропустят только тех, кто заменит его.

Отец назначил меня и тебя. Раньше главным был мой дед, и когда он умер, остался отец, теперь нужно двое, вот он и вызвал тебя.

– Эко у вас все сложно, – ко мне даже вернулось чувство юмора, – А тебе самому нельзя быть шаманом, без меня?

– Отец говорит – нельзя, время наступает, и два главных шамана должно быть, вот ты вторым и будешь. Только, Сань, есть одна проблема, мы с тобой должны провести ночь в этой самой пещере, и к утру пройти испытание...

– Ну, если надо, так проведем! А что за испытание?

– Этого я не знаю. Знаю только что взять с собой и как себя там вести. Испытание тоже очень серьезное, да и духи могут разгневаться, и тогда мы с тобой не выйдем оттуда....

– Ого! Ты меня пугаешь или предупреждаешь?! Только знай: раз тебе грозит опасность, в эту заколдованную могилу одного тебя я не отпущу! Вместе пойдем!

– Спасибо, брат! Иного от тебя я и не ждал! Идем, тебе кое – что предстоит сделать.

В комнате ко мне подошла пожилая женщина, как потом выяснилось, – тетка Николая, и протянула сложенную стопку одежды.

– Оденьте вот это, мне нужно посмотреть, все ли впору вам.

Николай указал на дверь спальни.

– Там примерь, только все сними, оставь нижнее бельё.

Просторные шаровары были немного широкими в поясе, а вот рубашка, ослепительной белизны из тонкого шелка, была как раз, немного только длинными были рукава.

Тетка сноровисто подтянула все на место и заколола булавками.

– Снимите аккуратненько – мы подошьем все по размеру.

Глава третья

Что может быть прекраснее майского утра в горах? Солнце золотит близкие горные вершины. Туман сползает по ущельям и, клубясь, оседает в рощах у подножия гор. Дальние луга от росы сверкают алмазной россыпью.

Село проснулось рано. Не знаю, какие по счету петухи отпели мне утреннюю побудку, но проснулся я только тогда, когда хозяйки проводили своих буренок на пастбище.

Тельняшка, спортивное трико, тапочки, любезно оставленные возле кровати и я, поздоровавшись с хозяйкой, направился к речке, шумевшей в конце огорода.

Вода, ещё не нагретая полуденным солнцем, прогнала остатки сна.

«А, была, не была, искупаюсь!» – решил я. Речной пережат, заканчивался довольно глубоким омутом. Нырнул, а точнее почти шлепнулся в зеленовато-изумрудную воду, и тотчас выскочил назад. Вода обожгла тело.

Послышался звонкий девичий смех:

– Ну, кто же утром купается? Вода ещё не прогрелась, холодно!

Чуть пониже, на полянке, почти скрытая кустами черемухи сидела девушка.

Раскрытая книга, шаль на плечах, – видно давно устроилась она на этой лавочке.

Я быстренько промокнул полотенцем тело, оделся и подошел к ней.

– Простите, что помешал, вас не было видно, – немного смутившись, стал оправдываться я.

– Ничего, – она встала с лавочки и протянула мне руку для приветствия, – меня зовут Татьяна, а вас – Александр, мы тут вас все ждали.

– Да? И отчего такая вдруг известность?

– Ну как же! После того как вы спасли Николая, все считают вас своим, так сказать, родственником.

– И вы тоже считаете? – я бросил сушить волосы полотенцем.

– И я... Я, считайте, ваша названная сестра буду...

– Ого! Рад наличию у меня такой красивой сестренки! – девушка определенно нравилась мне.

– Вот, ещё не отогрелись, а уже комплименты расточаете! Тут все просто: Николай – мой брат, у нас матери разные, а отец – один!

– Николай ничего не говорил о наличии у него сестры, пусть даже и по отцу. Да насколько я знаю, у него мать ещё жива...

– Великий шаман может иметь две жены. У меня есть ещё младшая сестра, так что у вас родни прибавится! Дадите мне слово, что встретитесь со мной после того, как отец назовет вас своим сыном!

– Охотно даю! Но при условии, если и вы расскажите немного о себе, – пообещал я.

– Тут и тайны никакой нет! – засмеялась Таня. – Я, студентка, последний курс краевого университета, вот к госэкзаменам готовлюсь. Конечно, в общаге лучше готовиться, но вот на похороны отца пришлось приехать.

– Что вы все живого человека хороните! То брат, то вы?!

– Отец не простой человек, это великий шаман! Не было ещё случая, чтобы он ошибался или не знал дату своей смерти! Вот вы станете великим шаманом и тоже знать будете. Интересно, как это им удается!

– Почему вы вдруг решили, что я стану шаманом?

– А как же! Вы станете сыном великого шамана, значит его преемником!

– Так Николай ещё есть, вот вы – тоже его дочь, почему не станете преемником шамана?

– Женщина не может быть великим шаманом. На обряд посвящения готовят два человека, значит второй – вы. Да и тетя одежду вам по размеру подгоняла.

– А что вы знаете об обряде посвящения? – попытался узнать я эту тайну.

– Да почти ничего. Проводят его на Священной Горе, там, говорят, есть пещера, только кто ни искал, не находил её. Была и я там, не раз была, ничего нет, ни ямок, ни пещер. На обряд посвящения допускаются все. На гору пойдете только вы – двое. Остальным можно быть только у подножья Священной Горы. Там сейчас десяток юрт поставили, если пройдете обряд, встречать будут, той будет, и на завтра большое камлание проводить станете.

– Вы сказали – пройдете обряд, а что бывало и не проходили его?

– Да, и такое было. Просто не возвращались из пещеры.

– А когда это было в последний раз?

– Где-то в тридцатые годы прошлого века, тогда назначили на посвящение среднего из трех сыновей, а старший брат оттолкнул его: «Пойду я! Я – старше» и пошел, и не вернулся.

– Нашли потом его?

Не знаю, что мне больше нравилось, сама девушка или вот такое бесхитростное общение с ней.

– Когда пошел тот, кто был назначен, то после того, как вернулся оттуда, сразу сказал, чтоб его не искали: духи горы к себе взяли.

– Ой, нам пора, заговорила я вас, завтракать пора, а там и отец вас ждать будет, ему мало осталось, после обеда: он умрет.

– Прямо мистика какая-то! Подождем, увидим. А почему похороны сразу же? Нельзя провести их на следующий день?

– Нет, нельзя, Священная Гора позовет

Татьяна встала и, кивнув мне, направилась к дому.

– Как может гора позвать? – недоуменно спросил я.

– Однажды нарушили этот обычай, решили не хоронить в день смерти, а отложить на завтра. Так все горы и наша долина, начали сначала дрожать, а потом трястись. Все стихло после того, как покойного шамана понесли к Священной Горе.

– Случайное совпадение: просто землетрясение в горах, бывает и такое.

– Может быть... Только никто больше не хочет нарушать этот обычай. Да вы сами все узнаете. Не забудьте про обещание ко мне первой подойти!

– Не забуду! И вы пообещайте показать Священную Гору.

На крыльце, заметно волнуясь, стоял Николай.

– Татьяна, ты почему задерживаешь Александра? Ему собратся надо! Завтрак вон ждет!

– А я и не держала его! Искупаться Александр решил, а утром вода еще холодная, вот пока сушился да согревался, время и прошло.

– Давайте, давайте быстрее завтракать и к отцу, он ждет, – заторопил Николай.

После завтрака мы с ним прошли в спальню. На кровати, заправленной атласным покрывалом, лежали два зеленых рюкзака. Странно, но прочные ремни были срезаны и заменены на капроновые веревки.

– Здесь все, что мы можем взять с собой, ты сейчас разденься и убедись, нет ли на тебе хоть какой-то маленькой вещи из металла.

– Нет, а с чего это ты стал так бояться металла? – усмехнулся я.

– Я не боюсь, а вот духи Священной Горы его не любят. Ничего металлического мы с собой не возьмем: вон видишь даже ремни на рюкзаках заменили, все из-за металлических пряжек! В рюкзаках веревки, теплое бельё, спички, свечи.

– Почему нет продуктов и воды? – поинтересовался я.

– Мы с тобой, брат, проведем там всего одну ночь, нам не до еды будет, и с собой туда ещё никто не брал воду. Будем следовать советам, проверенным предками. Одевай вот это, я тоже переоденусь.

Кроме вчерашней одежды, возле кровати стояли легкие сапожки. Когда я переоделся, в комнату заглянул Николай.

– Бери рюкзаки и пошли.

День вступал в свои права. Солнышко поднялась довольно высоко и пригревало даже через белую рубашку. Воздух был напоен ароматом цветущей черемухи и опьянял своей свежестью и чистотой.

– Вот где надо жить, а не в городах, прокопченных и отравленных автомобильными газами!

– Так переезжай, дом построим, женим тебя, чего ты в городе потерял?

– Заманчивое предложение, вот только, кто за меня автозавод построит? Да и городской житель я. Не пойму, где все? Почему не видно жителей айла?

– Верховный шаман собрал большой хурал, все нас ждут, на поляне белая юрта поставлена, все там.

– Так почему мы медлим? Давай поторопимся!

– Нельзя, мы должны прийти вовремя!

– Странно, как мы узнаем время? У нас ни часов, ни телефонов?

Мы шли среди пустой улицы, было тихо, даже собаки не брехали, а только смотрели на нас, провожая взглядами.

– Все, пора! Нас ждут! – вдруг заторопился Николай.

На краю айла, в конце большой поляны, среди яркой зелени весенней травы, в два ряда сидели люди, образуя как бы проход, в конце которого стояла белая юрта. Полог её был откинут, но вход загораживал сидящий человек. Я не сразу узнал отца Николая. На нем был запахнутый халат, ярко-синего цвета, красные сапоги с меховой оторочкой, но прежде всего в глаза бросалась шапка. Да и шапкой её было сложно назвать, скорее всего это был шлем, наподобие тех, что носили древние войны. Яркий металл оттенял черный мех соболя, вниз свисало множество ленточек с прикрепленными к ним узорчатыми фигурками. На вершине шлема, в лучах солнца, горел алым цветом драгоценный камень, по цвету – рубин. Чуть пониже этого камня светились зеленым пламенем несколько изумрудов.

Старший Николаев встал, жестом руки указал сыну на место справа от себя, кивнув мне головой, пригласил встать слева. Потом распростер руки над присутствующими и сказал несколько гортанных фраз. Присутствующие односельчане, поднимались со своих мест и, подходя ближе, садились полукругом. Когда все стихло, верховный шаман, не спеша, снял длинный пояс и передал его женщине, вышедшей из юрты. Халат запахнулся, и на пиджаке строгого покроя блеснули ордена и медали.

«Вот это да! – ахнул я, – только боевых наград более десятка! Вот тебе и шаман!»

– Дорогие айылдаши! Сегодня самый радостный день в моей жизни! Великое небо послало мне еще одного сына! Человек, которого вы видите, рискуя своей жизнью, вынес из поля боя моего сына и не только вернул его нам, но и дал свою кровь, когда врачи спасали его жизнь. Само великое небо сделало его кровным братом моему старшему сыну, мне остается только признать его своим младшим сыном! Принесите мой асхе!

Из юрты вышла старая женщина, неся на вытянутых руках необычной формы корявую палку, отполированную до блеска прикосновениями рук. На конце этой палки, в замысловатой развилке, был закреплен довольно крупный булыжник. Когда она подошла ближе и развернулась к шаману, цвет «булыжника» не оставил сомнений – это золото!

Шаман протянул палку с золотым набалдашником в сторону Николая, и тот стал перед ним на одно колено, знаком предлагая мне последовать его примеру.

Отец воздел палку к небу, произнес несколько фраз на своем языке и медленно опустил её на голову сына. Затем, коснулся ей правого плеча, левого и повернулся ко мне. «Прямо посвящение в рыцари!» – подумал я.

– Пусть великое небо благословит тебя! Даю тебе атту-чулу – Угльген Ирбис, что означает – благородный барс. И перед всеми айыл-дьюрт, сородичами, нарекаю тебя «адак бала» – своим младшим сыном!

Старый шаман осторожно коснулся набалдашником палки моей головы. Не знаю почему, но мне показалось, что тысячи мелких иголочек вонзились в кожу моей головы и проникли в мозг. Прикосновения к плечам ничего такого не вызвали.

– Принесите, ал чаян! – приказал шаман.

Из юрты снова вышла женщина, неся в руках простую деревянную чашку.

Держа её двумя руками, она поднесла её шаману. Тот отпил из неё глоток и передал сыну, пригубив чашу, Николай, передал её мне. В чашке плескалась белая жидкость.

Я, следуя его примеру, слегка пригубил чашку, это оказалось кислое молоко, и передал его подошедшей женщине. Та пошла по кругу, обнося сородичей.

Когда эта процедура была закончена, шаман снова стукнул посохом об землю и приказал:

– Принесите атту-чапаны!

Из юрты тотчас показались две женщины, неся на вытянутых руках цветные расшитые яркими узорами халаты. Проявляя такт, одна из них быстрее подошла к Николаю и, развернув халат, помогла надеть его. Теперь я знал, как поступать, и халат лег на мои плечи.

– Пусть моим сыновьям и наследникам поднесут атту-кушак! – пристукнул старик посохом.

Тут произошло то, что слегка смутило меня. Из юрты, одна за другой, вышли пять девушек и встали напротив Николая. Не успел я толком рассмотреть, что за цветные полосы ткани держали они в руках, как из юрты вышли новые девушки и встали напротив меня. Каждая из пятерых держала длинную цветную полосу ткани. Но не это смутило меня: третьей стояла Татьяна в цветном платье, сплошь расшитым узорами, её сразу было и не узнать! «Обещайте ко мне подойти первой!» – вспомнил я её просьбу.

«Могла бы и не просить, к такой красавице как не подойти!» – мысленно усмехнулся я.

Тем временем Николай подошел к одной из девушек, притронулся к ней и поднял руки. Она ловкими движениями обмотала полоску ткани вокруг его талии. Пояс – вот что принесли девушки! Но почему пять поясов? И почему нам было предоставлено право выбора? Ответы на эти вопросы я получил позже. А пока ноги, словно сами понесли меня к Татьяне. Та с лукавой улыбкой смотрела мне прямо в глаза. Когда я дотронулся до нее, она легонько вздохнула и с явным удовольствием повязала мне пояс.

– Выбор сделан! Я прощаюсь с вами мои айылдаши, оставляю вам сына и айбычи Александра, великое небо даровало которому имя Угльген Ирбис. Отныне два великих шамана будут оберегать вас от бед, голода и болезней. Я буду молиться, чтобы ару немее, добрые духи Священной Горы, ниспослали благодать и даровали не только жизнь, но сокровенные знания моим сынам! Прощайте и верьте, что в назначенный срок душа моя вернется на нашу благодатную землю!

С этими словами великий шаман, обвел присутствующих своим посохом. Все, к кому прикасалась тень посоха великого шамана, вставали на колени и касались ладонями земли. Я, вслед за Николаем, проделал тоже самое.

Старик ушел в юрту, следом за ним был мгновенно опущен полог. Присутствующие на поляне потихоньку разбились на группы. Там и сям, слышались громкие разговоры, смех, кое-кто принес с собой спиртное, и, казалось, никому нет дела, что их шаман должен умереть.

– А ты молодец! – похвалил меня подошедший Николай. – Красивую невесту себе выбрал!

– Как невесту? – изумился я, вспомнив вспыхнувший румянец на щеках Татьяны.

– Одобряю, очень одобряю твой выбор! Если бы Татьяна не была моей сестрой, я бы и сам её выбрал!

– Так у тебя есть уже жена! Тебе-то зачем невеста?! – мой вопрос явно развеселил друга, теперь уже брата.

– Видишь ли, у нас такой обычай: великому шаману положено иметь две жены. Нельзя нашему роду оставаться без наследника: вдруг будут дочки, или духи горы не примут кого-то из сыновей. Вот ты женишься на Татьяне, а после рождения первого ребенка можешь взять вторую жену...

– Да разве первая согласится?! Ты согласился бы, чтобы твоя супруга имела двух мужей? – пытался я доказать Николаю всю нелепость этого обычая.

– Э-э, тут все не так просто! Все знают, что это повеление великого неба и духов Священной Горы. Кто против этого пойдет? Были в нашем племени такие женщины, так великое небо сразу посылало на них болезни и неисчислимые беды. Знаешь, это даже не обсуждается! Давай иди, подойди к Татьяне, я же вижу, как она тебя ждет...

Действительно, она стояла невдалеке с подружками и изредка смотрела в мою сторону.

– Вот я и выполнил вашу просьбу, очень надеюсь, что ничего не нарушил в ваших планах и обетах – мне было неловко в этом цветастом одеянии – но я уже не так выделялся в своей белой одежде, больше похожей на нижнее бельё.

– А вы хотя бы знаете, в чем смысл этого обряда? – лукаво поглядывая на меня, спросила она.

– Да, Николай просветил меня, только я не выбирал себе вторую жену, у меня и первой-то нет!

– Это почему? На вас что девушки не обращают внимания?

– Так получилось. Мне нравилась одна девушка, во время моего обучения в военном училище.... К сожалению, мы с ней расстались по причине, не зависящей от меня.... А потом как-то все завертелось, пошло не так, да и судьба военного, участвующего в войнах, всегда так непредсказуема.... Вот и не влюблялся, боялся оставить свою любимую вдовой...

– Так сейчас вы не на войне? Что мешает вам, влюбиться?

– Скорее не что, а кто.... И я, кажется, знаю эту девушку!

– И кто она, если не секрет?

– Не секрет, она только что повязала мне пояс, согласившись стать моей женой....

– Ну, это мы ещё посмотрим! Только знайте: я буду очень сильно просить духов Священной Горы, что бы они сохранили вам жизнь и послали могущество великого шамана! – коснувшись моей руки, девушка упорхнула к подружкам.

Глава четвертая

Проводив девушку взглядом, я улыбнулся и пошел к Николаю. Тут полог белой юрты резко откинулся, и вышедшая оттуда женщина что-то сказала на своем языке. Тишина волнами охватила поляну.

– Все, отца нет больше на этой земле.... Великое небо забрало его к себе... – Николай заметно побледнел.

– Как такое возможно, ведь он полчаса назад был только что живой, – я рванулся к юрте.

– Нельзя туда, – перехватил меня Николай, – никому нельзя, только носильщики пройдут.

Из юрты вышла вторая женщина и, держа в руках посох, протянула его Николаю.

Толпа, сгрудившаяся было возле юрты, расступилась, пропуская вперед шестерых человек в одинаковых лиловых костюмах. Чем-то они напоминали мне традиционную рабочую одежду китайцев.

Двое из этих носильщиков несли длинный короб, сплетенный из обыкновенной ивовой коры. Он был прикреплен к двум гладким палкам. Когда носильщики скрылись внутри юрты, все присутствующие торопливо стали выстраиваться, образуя живой коридор.

Я посмотрел на Николая, тот, сжимая в руке посох, жестом приказал мне оставаться на месте.

Когда полог юрты откинулся вновь, я увидел, как четверо носильщиков несли эти странные носилки с телом теперь уже моего приемного отца. Один неторопливо шел впереди, сзади замыкал процессию другой. Как только они прошли мимо, Николай сделал мне знак, и мы последовали за ними. Едва носилки поровнялись с первым человеком, тот быстро снял пояс и повесил его себе на шею. Затем прикоснулся к Николаю и что-то сказал на своем языке.

– Они говорят, что желают, чтобы духи Священной Горы были милостивы к нам и отпустили бы нас в мир живых, – тихонько перевел мне старший брат.

Люди, стоявшие с моей стороны, прикасались ко мне, выражая свою скорбь и участие. Я тихонько благодарил их. Когда процессия проследовала через всю деревню, метрах в двухстах от неё сопровождавшие нас люди резко остановились. Словно невидимая стена преградила им путь, и теперь они растекались вдоль нее, чтобы можно было подольше не терять нас из виду.

Я заметил как Татьяна, сжав кулачки, словно в отчаянии поднесла их к подбородку. Дальше пошли только мы с Николаем и шестеро молчаливых носильщиков.

Признаюсь, что шагать в довольно теплых халатах, да еще и по полуденной жаре было делом нелегким. Но когда мы отошли подальше Николай на ходу снял с себя халат и положил его в рюкзак, который кто-то надел на него, когда процессия тронулась в путь. Я последовал его примеру. Легкий ветерок, струящийся с предгорий, приятно охлаждал разгоряченное тело.

– Николай, а почему никто не плакал? Ведь умер не простой человек.

– У нас не принято плакать на похоронах, да и великий шаман не умер, умерло только его тело, а душа – она вернется и вселится снова в кого-то из родившихся в этом мире. Вот ты тоже когда-то давно был великим шаманом, только этого не знаешь...

– Понятно, реинкарнация значит... – после того, что шаманы знают свою дату смерти, да что там знают! Они попросту управляют ей! После всех событий сегодняшнего дня я уже не удивлялся и реинкарнации.

– Слушай, а почему мы не можем помочь носильщикам? Они уже стали чаще сменяться, устают ведь....

– Нельзя, да и нам силы понадобятся, отца в Священную Гору понесем мы с тобой.

От такой новости мне даже стало немного не по себе.

– А далеко еще до Священной Горы?

– Вон видишь ущелье, вверх по нему километров шесть будет!

– Шесть! Так для наших носильщиков это почище марш-броска будет! Да еще и вверх по склону горы!

– Ты не переживай за них, нам с тобой подниматься на Священную Гору, километра полтора будет...

Я промолчал, прикидывая расстояние от поселка до горы. Километров двенадцать получалось.

Тем временем уже заметно подуставшие носильщики почти одновременно достали откуда-то из одежды простые пластиковые бутылки и отхлебнули из них по несколько глотков темно-коричневой жидкости.

– У них что, кофе?

– Нет, это особый напиток, он придает силы – ответил Николай.

И правда, носильщики сразу приободрились и пошли быстрее.

Ущелье тем временем заметно сужалось, кручи гор все ближе подступали к тропе, вьющейся вдоль небольшой речушки. За одним из поворотов открылся вид на невысокую гору, местами густо поросшую лесом. Я сразу обратил внимание на правильную форму этой горы. Чем-то она напоминала формы египетских пирамид, только была гораздо выше и склоны положе.

– Священная Гора, – сообщил мне Николай, хотя мог бы и не говорить, по тому, как чуть-чуть оживились носильщики, да и идти дальше нам было некуда, я понял, что мы подходим к месту последнего пристанища великих шаманов. Когда оставались последние километра два, я прикинул высоту этой горы, получалось – не менее полкилометра, да и ширина была больше чем высота, по крайней мере, в два раза.

Все, пришли.

Носильщики бережно поставили короб на плоскую каменную плиту и, склонившись на одно колено, прикоснулись к этому бесхитростному гробу, в котором покоилось тело шамана. Затем подошли по очереди к нам, наклоняясь, брали правую руку и прикладывали ко лбу. Прodelав это, резко развернулись и быстро пошли вниз к долине, ведущей к поселку.

– Что дальше будем делать? – затормошил я Николая. – Время четыре часа, нам взбираться часа два, там и вечер наступит. Могила копать будем или как?

– Сейчас пойдем – он достал из рюкзака веревку и стал приматывать посох вдоль одной из палок носилок.

– А не проще ли его спрятать поблизости? – посоветовал я ему.

– Нельзя, без посоха нам не найти вход в пещеру!

– Он что, вроде компаса?

– Скорее ключа, да ты все сам скоро увидишь: духи горы начнут нам помогать. Берись пока за носилки снизу, потом поменяемся.

Ноша оказалось не тяжёлой. Я сразу приладил палки носилок на плечи, и мы медленно стали поднимать плетеный короб на гору. Пройдя метров двести, мы поменялись местами и так, сменяя друг друга, подошли к месту, известному Николаю. Это оказались нагромождения скал, расположенные близко от вершины горы.

– Вроде здесь, – Николай отвязал посох от носилок и прикоснулся посохом к скале. «Не хватало сказать: – Сим-Сим, откройся!» – усмехнулся я про себя. Но тут словно пронесся легкий ветерок, и на нас пахнуло прохладой. Я не верил своим глазам: на серой, слегка замшелой скале, темнело отверстие! Да что там отверстие, это был вход в настоящий туннель, его стены в отблеске вечернего солнца сверкали полировкой. Казалось, над ними многие века трудилась вода, вон даже полоски характерные остались.

Видя мое изумление, Николай улыбнулся:

– Не робей, Саня, дальше интересней будет!

– Слушай, Колян, это что сейчас было?!

– Это духи Священной Горы нам помогают: все, давай поднимать ношу, у нас не так много времени, проход скоро закроется!

Туннель оказался не такой уж и длинный и кончился довольно обширной пещерой. Она была хорошо освещена. Стены её поднимались вертикально вверх и сходились вместе, словно горлышко гигантской бутылки. Вот в это горлышко и проникали солнечные лучи. Отражаясь от стены, они ещё достаточно хорошо освещали дно каменной «бутылки», где стояли мы.

Довольно ровная, хотя и усыпанная камнями площадка, словно перечеркнутая широкой белой полосой. Противоположная от нас стена была скрыта в тени, и когда глаза немного попривыкли к свету, я различил фигуры сидящих у стены людей.

– Да мы тут не одни! – обратился я к Николаю.

– Да, я знаю, это все ушедшие от нас великие шаманы. Вот и отец скоро займет свое место среди своих предков. Помоги мне, потом я устрою тебе экскурсию по их могилам. Расчищай это место от мелких камней.

Мы быстро откидали мелкие камни в сторону, затем подкатили несколько более крупных, сложили их наподобие стула, забили пустоты мелкими камешками, получилось даже неплохо.

– Теперь мы перенесем на это место отца.

Николай откинул крышку короба. Великий шаман лежал в том же халате, в котором был на церемонии прощания со своими сородичами. На голове была все та же «Шапка Мономаха», так я назвал этот головной убор, в котором он встретил утром нас.

Мы бережно вынули тело шамана, перенесли поближе к каменному стулу.

Николай ногами разломал короб и устелил место последнего успокоения своего отца. Затем прислонил к стене палки, на которых его несли, и мы вдвоем усадили великого шамана на его каменный трон.

Дальнейшие действия Николая вызывали у меня только молчаливое удивление.

Веревкой он связал палки сверху и снизу, крепко зажав ими тело покойного. Затем снял пояс с его халата, выровнял концы и повесил ему на шею. От оставшейся веревки отделил два маленьких обрывка, ловко перетерев её через острый выступ скалы. Подняв увесистый камень, завернул его в один конец пояса, связав его обрывком. Камень оказался, словно в сумке, проделав ту же самую процедуру с другим концом пояса, отошел назад, как бы любуясь своей работой.

– Это ещё зачем? – не сдержал я своего любопытства.

– Обычай такой, давай, носи мелкие камни, вон из рюкзака все вытряхни и в него набирай

– Много камней надо? – подхватил я рюкзак.

– Да рюкзака два, может три....

Николай, вынув из посоха золотой самородок, приладил верх посоха на каменную глыбу и аккуратными ударами стал отбивать верхушки сучков, которыми был зажат самородок. «Мелкие камни, так мелкие камни...», – рассуждал я мысленно. – «Вот этот и вот этот – беленький, этот, тоже мелкий – пойдет...».

Но мелкий камешек вдруг выскользнул у меня из пальцев. «Ого, вот это тяжесть!» Ухватил камешек покрепче и поднес к глазам.

– Золото, это же золото! Николай, я нашел золото! – почему-то обрадовался я.

– Не шуми, тут его полно, давай неси камни!

– Клондайк алтайский что ли?

– Да, что-то вроде того, вот сюда высыпай! Да брось ты этот камень к остальным, давай его в кучу.

– Это же золото!

– Слышь, Саня, а ты что такой жадный на золото?

– Да лично мне оно без надобности! Но в этом камешке килограмма полтора будет! Представляешь, на него можно школу построить, да еще и останется!

– Так ты не для себя хочешь его забрать? Для других людей, значит, оно тебе понадобилось?

– Мы, то есть фонд афганцев, решили построить автозавод, я же говорил тебе, что являюсь директором крупного авторемонтного комбината. Вот на его основе и будем строить, согласовали все с кредитами, только денег все равно в обрез, на социальные нужды, на жилье рабочим не хватает.

А хотелось бы сразу целый автоград выстроить. Тысяч пять работало бы, дворец культуры, стадион, две школы, жилье! Да что говорить, приезжай, все тебе покажу и расскажу. У нас и генплан есть!

– План, это хорошо! Будут тебе деньги, будут, целых два автогорода построить сможешь, если вот только выберемся отсюда....

– Так давай закончим побыстрее и назад.

– Быстро никак, Санья, не получится, да и дорога у нас только одна – вон туда!

Николай ткнул пальцем вверх, где еще светлело в лучах заката отверстие.

– Да мы просто туда не доберемся! Даже веревками не за что зацепиться, а как же вход? Почему туда нельзя?

– А ты сходи, проверь, может, у тебя выйти получится!

Когда я завернул за поворот, то не увидел отверстия выхода. Почти в темноте, осторожно двинулся к выходу, выставив вперед руку. Пальцы коснулись чего-то мягкого, словно воздух вдруг уплотнился и стал податливо-упругим. Но дальше, словно жесткая пружина отбросила мою руку.

«Что за черт! Словно батут натянули перед выходом» Дальнейшее исследование этой преграды показало, что вход наглухо перекрыт этой упругой дверью. А когда я попытался по сильнее толкнуть её плечом, меня просто отшвырнуло назад.

– Ну что, нашел выход? – равнодушно спросил меня Николай.

– Слушай, так нечестно с твоей стороны! Ты же знал про это и ничего мне не сказал!

– Ага, скажи тебе, что нам предстоит провести целую ночь в компании скелетов и духов, ты бы мне что ответил? А нам надо вместе здесь быть...

– Вот не люблю я этого слова – надо! Кому надо?! – слегка рассердился я на Николая.

– Моему народу, духам Священной Горы, отцу моему, – он кивнул в сторону сидящего на троне покойника, – Кстати, давай закончим похороны, у нас до полуночи часа два с половиной осталось..

– И что произойдет после полуночи? Духи на метле прилетят? – «Это хорошо, что юмор меня не покинул в этом склепе», – мелькнула мысль.

– Давай подгребай камни, нужно, чтобы посох был надежно закреплен. Духи по воздуху летают, это точно, только без метлы, да ты сам скоро все увидишь. Нам, брат, с тобой нужно или выбраться отсюда вместе, или остаться здесь навсегда.

Глава пятая

Когда мы закрепили посох, обложив его низ кучей мелких камней, Николай, взяв правую руку своего отца, поместил её в развилку на вершине посоха, сверху положил золотой самородок, который только что венчал посох, и все это крепко примотал остатком веревки.

– Вот и все, – как-то буднично подвел он итог этих более чем странных похорон.

– Давай, Саня, помолчим минутку, а потом будем думать о себе.

Помолчали. Николай, подхватив свой рюкзак, помог мне собрать разбросанные вещи, и мы стали расчищать от камней небольшую площадку метрах в пяти от входа.

– Готовим место ночлега? – полюбопытствовал я.

– Спать нам с тобой вряд ли придется, а вот присесть да отдохнуть надо будет. держи вот это: он протянул мне коробок спичек и свечку. Запакуй коробок в резину, пакетик в кармашке рюкзака возьми и спортивную шапочку надень.

Пакетик в кармашке оказался презервативом. Коротко фыркнув от смеха, я запаковал спички и разместил их за отворотом спортивной шапочки.

– Колян, мы, что мокнуть собираемся, раз спички от влаги спасаем?

– Не знаю, отец наказывал: «Потом вода будет, много воды, она и спасет, она и вынесет наверх»

– Это что нас затопит? Сколько воды надо, чтобы заполнить пещеру? Да ещё доверху? Откуда ей взяться?

– Давай подготовимся, вон в рюкзаке бери тельник, там пошарь, должно быть теплое трико, одевайся.

Действительно, в рюкзаке было теплое трико, тельняшка и шерстяной самосвязанный свитер. Там же были куртка и брюки из плотной нейлоновой ткани, примерно такие зимой надевают лыжники.

– Если мы это наденем, то все равно промокнем, – озадачил я Николая.

– Это так, но такая одежда не сразу пропустит воду к телу, и мы сможем дольше пробыть в холодной воде.

– Купание в ледяной воде, да еще ночью, обожаю такие приключения! – сострил я.

– Давай осмотримся и примем меры к большей безопасности. Отец говорил, что нас вынесет вода. Через какое время это произойдет – неизвестно. Предположим, часа через четыре...

– Почему четыре? Не больше и не меньше? – перебил я Николая.

– Духи придут к нам на беседу после двенадцати, полный рассвет в четыре часа. Значит к четырем нас должно водой поднять наверх, к отверстию.

– В холодной воде четыре часа нам не продержаться.

– Это точно! Замерзнем, и куртки не помогут! Смотри там, метрах в шести, полка, вон за тем выступом, видишь?

– Да, если закрепить веревку на выступах, то можно будет немного переждать там. Так вот зачем отец дал мне вот это.

Николай достал из своего рюкзака довольно толстую палку, прикинул в руке её вес и, осмотревшись, поднял треугольный камень.

– Утяжелим немного, а то легкая, не добросить, возьми веревку и навяжи на ней узлов, взбираться будет проще.

– Через полметра пойдет? – уточнил я.

– Вполне, а я пока привяжу к нашему якорю камень, попробуем забросить вон на тот выступ.

Сделали. Я свернул веревку кругами и Николай сделал первый заброс. Где-то на пятом броске палка прочно застряла между камней.

– Ну вот, метров пять, шесть мы можем держаться за эту веревку. Давай пойдем и осматривим наши владения, только сначала сделаем себе освещение.

– Фонарики сам запретил брать, теперь чем подсвечивать будем?

– Пока закатное солнце не ослабло, вот это повяжи себе на голову, впрочем, давай лучше я это сделаю – он повязал вокруг моей головы что-то вроде ленты с козырьком, на котором были закреплены три короткие трубочки из бамбука. Вынул из своего рюкзака свечи, вставил в трубочки.

Затем повязал точно такую же повязку вокруг своей головы.

– Это чтобы воск на лицо не капал, – пояснил он мне, когда я поправил козырек своей кепки-светильника.

– Теперь давай осмотрим могилу моих, а теперь и твоих предков.

Мы подошли к противоположной стене. Слабеющее вечернее солнце уже не могло достаточно освещать дно нашей пещеры, и мы зажгли свечи. От их колеблющегося света по стенам замечались красноватые тени, и стало немного жутко среди сидящих вдоль стены мертвецов. Почти на всех одежда истлела и свисала грязно-бурыми лохмотьями, у некоторых кости скелета валялись бесформенной грудой, черепа откатились в сторону и только фаланги пальцев, прижатые самородками золота, покоились на деревянных палках-посохах.

– Это Кожан-шаман, – остановился Николай возле каменного трона. – Мой дедушка в девятнадцатом поколении. Дальше все родственники.

– погоди, это значит, что твой родственник жил, если считать смену поколений через двадцать пять лет, почти пятьсот лет назад!

– Не знаю, но предания говорят, что мой род стал шаманить почти сразу после завоеваний великого Темуджина!

– Ого! Это после нашествия Чингисхана! Выходит, предки великих шаманов жили девятьсот лет назад!

– Больше, как говорят, бырик-улы это вот та шапка, что была на голове отца была подарена духами Священной Горы почти две тысячи лет назад!

– Это сколько же верховных шаманов должно покоиться в пещере? Или их кости растащили звери?

– Нет, в пещеру не зайдет ни один зверь! Даже мышь, да что там мышь, комары и пауки здесь не водятся! Духи убивают все живое!

– Так значит и мы можем умереть?!

– Можем, – как-то даже буднично, ответил Николай, – Если не понравимся духам горы. Только мы с тобой приглашены...

– А что бывает с теми, кто не приглашен?

– А вот смотри...

Мы прошли в дальний правый край пещеры, там, завалившись набок, лежал человек, казалось, он просто спал. Я присел и осторожно тронул его одежду. Сохранились краски халата, широкий пояс был снят, завязан узлом наподобие небольшого мешка.

В нем угадывались очертания камней, словно кто-то торопливо накидал их и завязал. Я потянул за ткань, она расплзлась от ветхости, и в прореху посыпались тускло блеснувшие желтизной камни.

– Золото, и здесь золото! Прямо какие-то копи царя Соломона! Может, и алмазы здесь есть?

– Нет, алмазов нет.... Читал я эту книгу, где говорят про пещеру, набитую скелетами и алмазами! Думал – выдумка автора, а вот теперь вижу – нет.... Знаешь, нам тоже предстоит пройти подобное испытание....

– Так, огонь, вода и золотые самородки! Интересно, откуда они здесь?

– Идем, покажу.

Николай остановился в центре пещеры как раз над белой полосой, слабо искрящейся в неровном свете свечей. Он взял одну свечу и поднес её к полу.

Мощная кварцевая жила пересекала пещеру, блестели отполированные потоками воды округлые торочащие тут и там, словно хвосты динозавров, груды золота.

– Да тут его тонны! – ахнул я.

– Да, много, но не возьмешь, духи надежно охраняют, хотя нам можно и даже нужно. У тебя и у меня должны быть свои священные посохи: на бассда-алуу, набалдашник, нужно взять золотой булыжник, кроме того золото можно взять столько, сколько захочешь, но не для себя. Знай, крепко знай, Санья, если в твоей душе поселится жадность, духи Священной Горы тебя не выпустят из пещеры. Умрешь, как умер брат моего деда. А вот на пользу другим людям – это можно, но только нельзя держать золото при себе! Это запрет – табу!

– Так как же мы тогда его возьмем? При себе – нельзя, для себя нельзя!

– А скажи, тебе самому золото, зачем нужно?

– Да ни зачем, богат не тот, у кого много, а тот – кому достаточно! У меня все есть, а вот на строительство завода я бы взял!

– Так бери! Вот в рюкзак набирай, потом веревкой обвяжем, веревка длинная, золото останется внизу, а когда выберемся, мы за веревки рюкзаки и вытянем!

Даже во сне я не мог предположить, что буду вот так запросто набрасывать самородки в рюкзак. Однако, когда я протянул руку, чтобы взять самородок выпавший из руки скелета, Николай резким возгласом остановил меня.

– Нельзя! Табу! Это не наше!

Когда набралось килограммов по тридцать, мы обвязали рюкзаки прочными капроновыми веревками, оставили их в центре пещеры и вернулись к месту последнего упокоения отца. Николай протянул мне пустую полиэтиленовую бутылку.

– На, крепко спрячь под куртку – плавать легче будет! – сам неторопливо проверял узел на такой же бутылке.

– А ты, что привязать её к себе собрался?

– Нет, у меня тоже есть.

Он вынул из рюкзака еще одну бутылку и, расстегнув молнию на куртке, положил её себе на грудь.

– Вот, если хорошенько застегнуть, то и руки свободные будут, и одежда вниз тащить не будет!

– Слышь, Колян, а почему ты решил, что мы плавать будем?

– Отец сказал: «Когда духи побеседуют с вами и уйдут, будет вода, большая вода, много воды, она укажет путь к людям, только если человеком овладеет жадность, то он так и останется на дне» Вот я и решил: какая бы вода ни была, она сейчас холодная, долго не продержишься, нужна одежда....

– Это что-то вроде мокрого гидрокостюма? – прервал я его.

– Да, хотя и мокрые будем, но нагретая телом вода будет держаться под куртками и мы не так замерзнем в холодной воде.

– А как мы узнаем, говорили ли духи с нами, и что они собой представляют, что про это отец не рассказывал? Может, камней поувесистей около себя запасем?

– Нет, камни не помогут, – усмехнулся Николай, – у духов нет тела, и никакое оружие им не причинит вреда, когда они появятся, мы увидим...., смотри вверх. Что видишь?

Я поднял голову. Ночное небо, опрокинувшись черным бархатным куполом, виднелось в отверстии. Постепенно, по конфигурации звезд, я узнал созвездие.

– Это созвездие Кассиопеи!

– Вот, как только пояс дьют сардыра, «Знатный Воин» так мы называем Кассиопею, вот как только его пояс коснется края дыры в потолке пещеры, так духи выйдут к нам. Давай сядем и подготовимся встретить духов.

– Фотоаппарат бы сейчас нам. Уж очень хочется фото на память иметь. Представь, мы с тобой и рядом духи!

– Не юмори, все очень серьезно, на кону наши жизни!

– А оно нам надо?! Вот такая рулетка? Понравимся духам или не понравимся?!

– Тише! Смотри, «дьют сардыр» своим поясом коснулся края отверстия....

Глава шестая

Ярко сияющие звезды созвездия Кассиопеи легли на темнеющий край дыры в своде пещеры. В наступившей тишине послышался слабый треск, словно кто-то расколол грецкий орех.

– Смотри, – Николай тихонько потянул меня за руку.

Огненно-красный шарик величиной с апельсин выдавился из стены и неторопливо поплыл к тому месту, где покоилось тело шамана. Секунд десять завис над рубином, венчающим ритуальную шапку, потом опустился на золотой самородок. Слегка расплющился, словно капля росы, что сверкает ранним утром на нежной зелени майского листа. Затем, подпрыгнув вверх на полметра, резко устремился к середине пещеры и спикировал в кварцевую жилу.

– Обыкновенная шаровая молния, – высказал я вслух свою мысль.

– Это не молния, это предвестник духов, а вот и они, доверься и не шевелись.

Из кварцевой жилы почти одновременно, неторопливо выплыли два лилово-красных шара. Словно кто-то надул легким гелием детские воздушные шарики, да забыл привязать к ним нитку. Шары не рванулись вверх, как бы это должно было случиться, а неторопливо направились к нам. Покружились над нами на расстоянии вытянутой руки, словно две собаки обнюхивающие незнакомцев, и, развернувшись величаво уплыли, втянулись в кварцевую жилу.

Мне показалось, что центр пещеры вздулся красным холмом. Следующий наш посетитель оказался просто огромным. Метра два в диаметре, красный, слегка пульсирующий шар неподвижно застыл в метре над полом. Из него, словно цыплята из-под крыла наседки, одновременно появились два шара поменьше. Они не были круглые, а скорее напоминали медуз, у которых шевелилось, переливалось, множество щупалец и светящихся нитей. Я как зачарованный смотрел на приближающуюся ко мне огненную «медузу». Она зависла почти вровень с моей головой. Три или четыре извивающихся щупальца, быстро сплетясь, образовали трубку, и она прикоснулась к моему лбу.

Дальше – темнота, словно черную тушь пролили на лист белой бумаги. Говорят же, что перед смертью человек видит картинки и события прошедшей жизни.

Ни – чего!

Щёлк, словно выключили сознание.....

Очнулся я от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо.

– Саньа, Саньа, да очнись ты, уже рассвет настает. Нам надо готовиться...

– Духи уже ушли или все ещё здесь? – сквозь шум в голове я даже не узнал своего голоса.

– Давай, привязывай веревку к поясу, нам рюкзаки на них поднимать.

Я послушно обмотал веревку вокруг себя.

– Да узел делай такой, чтобы легко можно было развязать, если что!

– А ты куда? – Николая рванулся телу отца.

– Надо забрать бырик-улы

– Ты же сам говорил, что трогать ничего нельзя, почему забрал «шапку Мономаха»?

– Это теперь наше, помоги мне быстрее завязать рюкзак и давай к веревке!

Только мы успели замотать узел на рюкзаке Николая да отойти к веревке, которая свисала с выступа на скале, как послышался отдаленный шум воды.

– Надо зажечь свечи. – Николай выхватил из кармана куртки целлофановый пакет, вынул спичечный коробок, чиркнул, дружно вспыхнули две спички, сильное пламя сразу подожгло свечи, все ещё торчащие у меня над лбом. Пока я, замешкавшись, поджигал его «светильник», откуда-то из щелей фонтанчиками, потоками, пенясь и кружась в водоворотах, хлынула вода. Она прибывала так быстро, что я даже не успел положить пакет со спичками в карман. Просто,

оттянув ворот легкой нейлоновой куртки, сунул его за пазуху. Вода, тем временем уже была нам по грудь. Ещё немного и наши ноги оторвались от дна пещеры. Вот тут я по достоинству оценил изобретение Николая. Пустая бутылка, натянув куртку, надежно держала голову на поверхности воды покрытой пеной.

– Давай, держись за веревку, старайся немного подтягиваться, не так замерзнешь!

Дельный совет, вода, быстро пропитала всю одежду. Но тельняшка, свитер и куртка, все еще спасали от холода ледяной воды.

Когда вода достигла каменной полки, мы вскарабкались на неё и там, удалось хоть немного отогреться на показавшемся нам очень теплом воздухе.

Николай попытался забросить палку на другой выступ, но это не удалось: гладкие скалы не держали наш деревянный якорь.

– Ничего, братишка, прорвемся! – он вынул камень, и палка закружилась в водоворотах возле нас.

– С чего бы это духи решили нас утопить? – шум воды превратился в глухой гул, в пустоте пещеры голос дробился и множился.

– Смотри на это проще: просто вот такой скоростной лифт доставит нас наверх.

– По моим прикидкам, вода уже дошла до половины высоты пещеры!

– Ты вот что, Санья, давай немного цепляться за выступы, так хоть немного будет теплей. Точно, какое-то время тело не так мерзло.

– Колян, ты пальцами ног шевели, не замерзнут!

Все, вода стремительно стала поднимать нас к горловине – сказывалось сужение потолка пещеры. Я ухватился за корни дерева и попытался подтянуться, руки плохо слушались, все тело уже дрожало от холода.

Сильный толчок снизу – я успел забросить одну ногу на край отверстия, раз – и, перекатившись, оказался наверху.

– Николай! – рванулся я к отверстию. Вода остановилась в полуметре от края.

Николай, цепляясь заочневшими от холода руками, пытался выбраться наружу. Я поймал его за ворот куртки, подтянул. Все, мы наверху.

– Веревки, Санья, веревки! Если вода уйдет нам будет трудно поднять рюкзаки.

Дружно потянули веревки из воды. Слава Архимеду, рюкзаки в воде весили меньше.

Николай, быстро сняв веревку с себя, бросился мне на помощь. Как раз вовремя. Рюкзак, вынырнувший из воды, сразу стал тяжелым и прочная капроновая веревка, резала руки. С его рюкзаком мы справились быстрее.

– Санья, костер, давай спички.

Он развязал платок с головы, вынул одну свечку. Конечно, когда мы барахтались, выползая на поверхность, свечи все затухли от резких движений и порывов ветра.

Нашарив за отворотом спортивной шапочки спичечный коробок, упакованный в тонкую резину, я облегченно вздохнул: спички были сухими.

Заря горела на востоке, хорошо освещая окрестности. В рощах напоенных ароматом цветущих черемух, буйствовали соловьи. Хотелось жить, но было чертовски холодно.

– Сюда, давай сюда, Санья! – Николай махал мне рукой, подзывая к ближайшей скале. У её подножья, словно специально лежала большая охапка сухих веток, кучка свежескошенной травы, чуть поодаль – другая куча хвороста.

– Слушай, это специально кто-то заготовил! Признавайся, для нас?

– Не знаю, правда – не знаю! Вот только сырая трава – это для дыма, знак подать, ждут нас, понимаешь – ждут! Давай, поджигай!

Капли воска с зажженной свечи пропитали веточки и пламя, словно голодный волк, набросилось на хворост. Мы быстро разделись и, поворачиваясь то одним боком, то другим, впитывали живительное тепло.

– Пора, – Николай, схватив охапку сырой травы, бросил её в костер.

Пламя вмиг присмирело, стало робко пробиваться наружу зато густой белый дым, встал столбом над Священной Горой.

Снизу, в долине, слышались крики и выстрелы из ружей.

– Давай второй костер!

Пара горящих веток быстро разожгла вторую кучу хвороста.

Когда и второй столб белого дыма поднялся вверх, крики и стрельба не стихали минут десять.

– Всё, все наши знают, что духи Священной Горы не только даровали нам жизнь, но и благословили на путь помощи людям. Поздравляю, тебя, Саня, – ты теперь верховный шаман!

– Прими и ты мои поздравления, Николай, только какой из меня шаман? Я то и делать ничего не умею....

– А ты не расстраивайся! Вот отдохнем, отоспимся, попируем, и завтра у нас с тобой трудный день, большое камлание!

– Да ты просто смеешься надо мной! Я ничего этого не могу, а если буду кривляться, все заметят и осмеют!

– А вот тут ты не прав! Духи всегда помогут, теперь они наши и слуги и помощники! Или ты не веришь им?

– А нет, кое-чему я верю, вот только кому расскажи, не поверят!

– А ты и не рассказывай, ничего никому не рассказывай! Наши спрашивать не будут, а другим – зачем знать?

Одежда, которую мы держали у костра на вытянутых руках, дымилась паром, просыхала. А когда мы, не выдержав дуновения свежего утреннего ветерка, надели кое-что на себя, стала быстрее сохнуть прямо на теле.

Хорошо что, кроме хвороста, услужливые помощники заготовили и крупные сучки. Костер горел ровно, давая сильный жар, и мы постепенно отогрелись.

– Давай сюда рюкзаки, нам ещё предстоят кое-какие дела.

– Смотри! – почти завопил я в изумлении – Выхода, ну того отверстия нет!

Там, где лежали наши темные от воды рюкзаки, была только зеленая трава. Впрочем, нет: вот два плоских камня, как бы один на другом, и все! Отверстия не было!

– Что за чертовщина! Или это опять проделки духов? – повернулся я к Николаю.

– А ты вот сюда посмотри, – он дергал одну из веревок, конец которой был намертво зажат землей.

– Вот где было отверстие! Ладно, бери рюкзак и айда к костру.

Когда мы поднесли рюкзаки, Николай развязал прочный узел на своем и вынул бырик-улы.

– На, возьми, только не одевай, ещё не время!

Я впервые взял в руки головной убор великого шамана – бырик-улы, или «Шапку Мономаха» как я её называл. Впрочем, настоящей шапки Мономаха далеко до этого древнего артефакта. Опушка шапки была сделана из меха черного соболя, чуть выше была аппликация из золотых пластин, в виде фигурок диковинных зверей и птиц.

Но окончательно добили меня четыре крупных изумруда и рубиновый шишак, венчающий макушку шапки. Смотрел я в интернете фото короны царей России, там рубин почти вдвое меньше, интересно, сколько стоят такие камни? Десять ниток, с нанизанными на них, словно бусы, золотыми самородками весили не менее трех килограммов. Так что цена этой «шапочки», зашкаливала даже в моем сознании, а если учесть её древность?

– Все, альдыге идут, нам пора! – прервал мои размышления Николай.

– Кто, кто? Ты же сам говорил, что на священную гору ни один человек в такое время не может подняться....

– А это не люди, это альдыге, слуги наши, они и охранять будут!

– А нам это зачем? Этих слуг содержать между прочим надо! Кормить, одевать, жильё предоставить, зарплату, наконец! Откажись, отправь обратно!

– Санья, это невозможно! Альдыге нельзя отправить, их не надо кормить, платить им деньги тоже не надо! Они всегда есть, всегда рядом будут, вот только на камлании, ещё на похоронах их можно видеть, а потом нет!

– Не понял, это сейчас ты о чем?

– Да вот о них! – Николай махнул рукой, в сторону поднимающихся по склону людей. Это были «лиловые». Те же самые носильщики на похоронах отца.

Они, молча, подошли к нам, подняли наши рюкзаки, двое стали по бокам, один на некотором расстоянии сзади.

– Все, нам пора, идем к людям, они ждут.

И мы, сопровождаемые «лиловыми» слугами, стали спускаться в долину.

Только сейчас я ощутил чудовищную усталость. Болела давняя рана на голове, ныли шрамы на груди, и давала о себе знать раненая нога.

Но когда мы вышли из-за поворота, все болячки разом прошли: такого скопления людей на поляне я ещё не видел. Люди, лошади и автомобили смешались в пеструю, подвижную как ртуть, толпу. Почти по всей поляне виднелись юрты, палатки, какие-то шатры.

Дымились костры, на которых были подвешены котлы, рядами стояли столы, которые ломились от обилия еды и напитков. При нашем появлении раздались такие крики ликования, что с ближайших тополей сорвалась стая ворон и заметалась над поляной, своими криками внося еще больший хаос.

– Колян, нас прям, как Гагарина встречают! – изумился я.

– Нет, нас встречают как великих шаманов! – Николай был невозмутим, – Сегодня мы будем отдыхать, а завтра людей будет ещё больше – мы проведем первое камлание.

– Да ты меня просто рассмешил! Какой из меня шаман?! Да ещё на камлании?

– Не волнуйся, когда принесут твой бырик-улы, ты все сможешь....

– Ты хочешь сказать, что и для меня сделана такая шапка, этот самый бырик-улы?

– Да, завтра её тебе принесут альдыге, утром, а в обед мы будем камлать.

– Александр! Александр! – махала мне рукой Татьяна.

Я направился к ней, однако, один из моих «лиловых» преградил мне путь. Я попытался отодвинуть его рукой, но словно наткнулся на стену. Мой телохранитель обладал чудовищной силой.

– Санья, нельзя, нас не пустят к людям, завтра после камлания увидишь Таню.

– Мы что заключенные? Или арестанты? – возмутился я.

– Нет, это табу, обычай такой, завтра, завтра, сейчас поедем и спать будем!

– А этот, что? – указал я на «лилового». – Ты же говорил – слуги.

– Завтра, завтра они исчезнут, и мы их перестанем видеть, но они будут рядом, будут служить нам.

Охраняемые слугами или конвоирами, мы прошли по коридору из ликующего народа к небольшому, срубленному из бревен дому.

– Вот, это кажан айыл, по-нашему будет, если на русском, то – деревянная юрта, здесь мы будем отдыхать, заходи....

Внутри эта деревянная юрта выглядела вполне прилично. Весь пол был устлан коврами, по разные стороны низенького стола были брошены подушки и одеяла.

– Слышь, Колян, а удобства где, во дворе?

Глава седьмая

За три прошедших года случилось столько событий, что я даже не знаю, с какого начать. Наверное, начну сначала. То, что произошло со мной, трудно поддается осмыслению. После нашего с Николаем спасения из потайной пещеры, скрытой в Священной Горе, его соплеменники устроили нам грандиозный прием.

На другой день мы проснулись в ритуальном деревянном домике, построенном по такому случаю только для нас. Вместе с первыми солнечными лучами в двери вошли двое «лиловых», то ли наших слуг, то ли конвоиров, вообще, так я назвал тех, что сопровождали нас на похоронах и встретили после спасения на Священной Горе. В руках они держали простые деревянные палки, на верхушках которых находилось несколько сучков. Без слов они подошли к Николаю и протянули оба посоха. Тот указал на один из них.

Так же, в полном молчании вручили и мне вторую «корягу» (так я про себя называл этот самодельный посох шамана). Затем один из них взял рюкзак и высыпал у моих ног золотые самородки, вынесенные нами из пещеры.

– Выбирай, какой ты хочешь?

– Николай, что они от меня хотят и почему не разговаривают?

– Они никогда не разговаривают, но все понимают, думаю, они мысли читают! Ты должен выбрать тот камень, что нравится тебе...

«Мысли читают... А я тут их обзывал...», – немного смутился я.

– Вот этот! – ткнул я в золотой самородок, напоминающий голубя с распростертыми крыльями. Мой слуга подобрал его, приладил в переплетении ветвей на посохе и несколькими легкими поглаживаниями изогнул их, так что мой золотой «голубь» оказался крепко зажат между сучками.

«Лиловый», положил посох себе на обе руки и, с легким наклоном головы, почтительно протянул его мне. Рукоять посоха оказалась теплой и гладкой на ощупь, хотя вес у этой «тросточки» был порядочный. Только любоваться своим новым посохом мне пришлось недолго. Новая пара слуг протягивала нам бырик-улы, эти ритуальные головные уборы шамана. Я даже опешил от неожиданности! Их было две, как братья – близнецы похожие друг на друга. Чуть позднее я нашел отличия: на моей «Шапке Мономаха», вместо изумрудов, горели синим, холодным пламенем четыре аквамарина.

До сих пор не понимаю, почему я взял в руки этот странный головной убор и безропотно надел его на голову? Ощущения тяжести не было, а было странное чувство, словно тысячи маленьких ежат, улеглись на мою голову, щекоча и покалывая её своими мягкими иголочками.

Слуги были сама проворность! Снимали со стены висевшие там роскошно – цветные халаты, услужливо подставляли мягкие сапоги – ичиги. Последний аккорд нашего одевания – замысловатый жилет из тысячи лент, ремешков, на концах которых были цветные бусы, подозреваю: из настоящих самоцветов. Камчу с узорной рукояткой – за отворот сапога, и перед нами почтительно распахивается дверь кажан айыла – дома, приютившего нас на ночлег.

Под ликующие вопли толпы вдоль живого коридора из людей, одетых по такому случаю в нарядные одежды, мы шли к поляне, огороженной простой веревкой, подвешенной на кольях. Люди старались прикоснуться к нашим развевающимся одеждам, говорили ободряющие слова и благодарили великое небо за то, что ниспослало на Землю сразу двух своих сыновей.

Когда мы вышли на поляну, кто-то услужливо расстелил две кошмы, на одну из них сел Николай, подвернув под себя ноги, как это делают кочевники, на другую – я, скопировав его позу. Это вызвало возглас одобрения. Девушки, в национальных одеждах, быстро натаскали большую охапку хвороста, обложили приготовленными сухими сучками. Вперед вышел

один из старейшин. Громким, гортанным речитативом он прочитал что-то вроде молитвы или заклинания. Николай говорил мне потом, что это была хвала небу за его милости к людям. Потом из толпы вышли два старца, каждый нес довольно большой бубен и деревянную колотушку, конец которой был обмотан кожей.

Когда мне вручили этот «музыкальный инструмент», я мысленно фыркнул:

«Какой из меня барабанщик? И вообще, весь спектакль не по мне».

Тут старейшина, чиркнув спичкой, зажег хворост, и огонь костра как-то успокоил меня.

Тот час старику подали простую деревянную чашку, он подошел и протянул её Николаю. Когда тот сделал несколько глотков, чашку преподнесли мне. Я тоже отпил несколько глотков белой, слегка кисловатой жидкости. Старейшина вылил остатки в костер и ушел с круга, оставив нас одних.

Тут Николай поднялся, погрел бубен около костра и ударил по нему колотушкой. Звонкий и довольно чистый звук разнесся над поляной.

Я, как зачарованный, сделал то же самое и стал по другую сторону костра.

Это было последнее, что я помнил. Сознание вернулось ко мне, словно кто-то щелкнул выключателем.

Небо. Глубокое, синее небо смотрело мне прямо в глаза. Небо качалось и плыло в такт шагам людей, несущих меня. Немного ныли ноги, болело тело, как после марш-броска. Когда я завернулся, люди остановились и бережно опустили меня на ноги. Чуть позднее гул и шум в ушах утих, я стал различать голоса. Казалось, говорили все.

– Что это было? – спросил я у подошедшего Николая.

– Ты молодец! Камлал как наш отец и упал даже после меня! Все, мы идем переодеваться и на той, на праздник значит! Сегодня гуляем долго, сегодня мы с тобой родились новыми людьми и для новой жизни!

– Александр! Александр! – Татьяна пробивалась ко мне сквозь толпу.

– Какой ты молодец! Как здорово все предсказал, как смело общался с духами! Все мы гордимся тобой!

– Правда? – я впервые взял девушку за руку. Она не отстранилась.

– Обещай, что ты мне расскажешь все, что видела, а лучше покажешь, надеюсь, ты сняла все происходящее на сотик?

– Что ты! Это нельзя делать, да и сотовые телефоны во время камлания не работают, а сразу ломаются: у них батарейки разряжаются! Старейшины отберут и разобьют о камни! Слушай, а ты когда уезжаешь?

– Думаю, дня через два, три. Как Николай отпустит.

– Мы могли бы вместе уехать, мне в универ пора, к экзаменам готовиться.... А ко мне, когда придешь, ну это.... в гости.

– Да хоть сегодня!

– Нет, сегодня нельзя, мне и маме нужно подготовиться....

– Ну, раз нельзя сегодня, тогда завтра....

– Договорились! – и девушка, легонько коснувшись моей щеки ладонью, упорхнула к поджидавшим её подружкам.

– Как тебе моя сестренка? Когда с предложением вйыл-дьюртгу пойдем?

– Это что, вроде сватовства?

– Это вроде предложения пожениться, сватовство ты провел, когда подошел к ней, и она тебе пояс повязала!

– Ты – то чего не предупредил?! Вдруг она мне откажет!

– Не откажет! Я же видел как ты на неё запал! Да и она бы тебе пояс не повязала бы, а бросила его на землю! Вот завтра и пойдем. Ты надумал скоро уезжать? Я тебя не гоню, но знаю: на работу пора. Пойдем, нам ещё золото принести домой надо...

– Так скажи, тем «лиловым»...

– Кому, кому?

– Да слугам этим, в лиловых одеждах, прямо как китайские крестьяне – все в одинаковых куртках.

– Аа-а... Альдыге..., мы больше их не увидим, только на следующем камлании, через три года.

– Слушай, братан, ты хочешь сказать, что через три года, я и ты снова будем делать неизвестно что?

– Почему неизвестно? Что духи скажут, то мы и переведем народу. Ты же камлал? Камлал! Вон я спрашивал у людей, ты все им объяснил: и про скот, и про то, какие зимы будут. Все точно будет!

– Да откуда мне знать, какие зимы будут?! Я даже не знаю, что я на этом камлании делал!

– Все правильно делал: духи забрали на время твою душу и сами вселились в твоё тело, сами двигались, сами с народом говорили...

– Все, теперь мне все понятно! В этой чашке, что мы с тобой пили, наркотик был?! Отвар из каких-то грибочков? Ну, Николай, знаешь....

– Саня! В чашке был айран! Кто посмеет дать отраву великому шаману?! Да и альдыге не допустят! Ты сам скоро все поймешь, когда начнешь превращаться в настоящего шамана!

– Так это не все?! Ещё будут сюрпризы?

– Будут, Саня, будут, но поверь, только хорошие! Давай, бери рюкзак и складывай в него золото.

– Слушай, Николай, так и двери были открыты, и самородки валялись, как попало, почему их не растащили?

– Это жилище великих шаманов, – Николай впервые назвал и меня шаманом, – Нельзя ничего брать, табу, возьмешь – беда будет, да и альдыге

– Альдыге, альдыге, они то, что могут, если их уже нет!

– Знай, Саня, твердо знай, они всегда рядом, придут на помощь, но и мешать не будут, ты и сам станешь почти одним из них!

– Это здорово, – сострил я, – на работе – раз и невидимкой стал!

– Нет, это не будет, а вот сильнее, быстрее станешь! Все, переодеваемся – и на той!

Не стану описывать, что мы ели и пили, только к вечеру я валился с ног от усталости.

Завтра мы поехали сватать Татьяну. В национальных костюмах, мягких сапожках, сели мы на коней, хотя честно признаться, сел Николай, а я – взгромоздился кое-как на смиренную лошадку. Пока добирались до дому Татьяны, лошадка и не думала слушаться моих команд, покорно плелась за гарцевавшим под Николаем жеребцом. Я молил бога и просил небо, не позволить сбросить ей меня на землю. Обошлось.

Когда входили в дом к невесте, Николай вынул из-за голенища моего сапога камчу и повесил мне на шею.

– Так надо! – тоном, не терпящим возражения, приказал он. Да я и не думал возражать. Мои мысли были заняты только тем: как бы прямее шагать, так как ощущения от верховой езды были сродни тем, что чувствуешь, просидев час на бочке верхом.

– Мне-то что делать? – поинтересовался я у свата – Николая.

– Да ничего! Слушай, соглашайся, да поддакивай!

Такого сватовства в моей, жизни не было, да и вряд ли будет. Только мы зашли в дом, как к окнам прилипли любопытные соседи.

В доме были: мать Татьяны, приятная русская женщина, один из старейшин, тот, что подавал нам чашку с айраном перед камланием, и невеста в скромном, национальном наряде, сидевшая с краюшку стола.

Николай поздоровался на своем языке, и дальше вся речь шла на ойротском. Невеста, не поднимая глаз, пару раз сказала: «Ие, ие», что даже мне было понятно её согласие. Да и я также пару раз сказал: «Согласен»

Старик, обратился ко мне с довольно грозной речью. Николай, услужливо перевел: «Строжится! Он за её отца, тебе грозит, если будешь обижать жену, он тебя убьет! Сними камчу, отдай ему и стань на одно колено....»

Я подчинился. Старик, хлестнув пару раз меня камчой, так, чисто символически, бросил её на пол.

Мать Татьяны, или теперь уже теща? Подхватила дочь под руку и увела её в другую комнату.

Мы вышли на улицу. Собравшиеся люди стали осыпать нас зернами ячменя, пшеницы и легкими, словно мотыльки, лепестками хмеля.

Под нехитрый мотив гортанной песни, которую затянули собравшиеся, мы сели на своих коней и ускакали к дому Николая. Хотя, ускакали – это сильно сказано. Я, подпрыгивая в седле, набил себе шишку, и дня три она давала о себе знать, как только пытался сесть.

– Так, если я женатый, то где моя жена? – пристал я с вопросом к Николаю.

– Не все сразу, ты считай, только получил согласие всех сторон. Это вроде помолвки, потом – через неделю, свадьба. После свадьбы её отец, вот тот старик, привезет её к тебе домой, у тебя есть дом, ах да, квартира?

– Есть, да и таким богатством, как у нас в рюкзаках, запросто можно построить дворец!

– Э-э, Санья, ты же обещал это золото на другие дела пустить?

– Да пошутил я, Николай, пошутил..., – почему-то смутился я.

– Никогда больше не шути так, если надо денег, я тебе дам, если много денег надо тебе, все соберем и отдадим! Золото, что духи позволили взять, нельзя для себя брать, даже думать об этом нельзя!

– Ладно, понял я, не возьму ничего себе – духи будут довольны.

Глава восьмая

Не стану описывать свою свадьбу, скажу только, что весь аил ещё месяц после нашего отъезда гулял. Той, то затихал, то с приездом очередного родственника, вспыхивал с новой силой. В конце медового месяца, когда я пришел домой с работы, Татьяна устроила мне форменный допрос, под общим заголовком: «Когда я возьму себе вторую жену». Пришлось успокаивать её и клятвенно обещать, что этого не произойдет, так как моя любовь вся без остатка предназначена только ей.

Признаюсь, в то время мне было не до её претензий и капризов. То золото, что мы с Николаем взяли из пещеры, где покоятся предки великих шаманов, позволило развернуть строительство автограда неслыханно быстрыми темпами. Но и это меня не столь тревожило, как состояние моего организма. Точнее – состояние мозга. С ним творилось что-то невообразимое. Эти изменения я заметил ещё после отъезда из аила Николая. Как-то разом перестала побаливать голова. Рана от былой контузии порой давала о себе знать приступами головной боли, а тут – ничего! Легкость мыслей и свежесть впечатлений.

Сначала я принял это за влияние горного воздуха и пережитый от похорон стресс. Но вот, когда я ждал пересадки в Новосибирском аэропорту Толмачево, то случайно оказался рядом с попутчиком. Мужчина средних лет летел в Москву тем же рейсом, что и я. Коротая время, он играл сам с собой в шахматы. Вообще-то в эту игру я играл последний раз в свои далекие школьные годы. И тут как-то само собой у меня вырвалась подсказка:

– А вы слон на h5, с жертвой, попробуйте!

Шахматист-попутчик, взглянул на меня с интересом:

– Жертвовать слона за пешку?!

– Зато потом ваша пешка по правому флангу пойдет вперед, и придержать её можно только ладьей, вторую пешку двинете на её защиту и явно проходной дуэт!

– Да вы, батенька, увлеклись, а если я на левом фланге создам давление ферзей?!

– Предложите размен ферзями, а не пойдет противник, вы сделаете ему сдвоенную пешку, и она помешает белопольному слону. Получите два хода в запас, продвинете обе пешки вперед, а за них придется отдать две фигуры!

– Да вы, я вижу, недурно разбираетесь в шахматах! Не окажите ли мне любезность сыграть со мной?

– Отчего же не сыграть, время позволяет....

После четвертой партии, которую я выиграл ввиду явного преимущества, мой попутчик вскочил, в восхищении тряс мою руку и никак не верил, что у меня нет никаких званий и регалий в шахматном мире.

– Да как же так! Я чемпион области, кандидат в мастера спорта, член президиума шахматной федерации республики! А вы меня как новичка, в четырех партиях! Как липку ободрали! Дайте ваш адрес, я свяжусь с вами, да вам, батенька, надо на чемпионат страны, да что там – на мировое первенство можно замахнуться!

Еле-еле я уговорил его не делать сенсации из моей игры. Только сам пребывал в недоумении. Как я знал массу ходов? Как я мог видеть, что предпримет противник? Интересно....

Второй случай незаурядных способностей моего мозга представился неделей позже, на работе.

Когда я без двадцати восемь появился у дверей кабинета, там, как всегда, толпился народ. Мастера участков, инженер, прорабы строительства – всем нужно было что-то согласовать, утрясти, уточнить....

Уже входя в двери, я обратил внимание на женщину, сидевшую в сторонке.

Сколько печали и уныния было на её лице. Едва сев на стул, я сразу нажал на кнопку селектора и вызвал секретаря:

– Ирина, пригласите ко мне Валентину Сергеевну.

– Александр Петрович, Валентина Сергеевна, из какого цеха?

– Это крановщица кузнечно – прессового цеха, она сидит в приемной!

– Я прошу прощения у присутствующих, но давайте сначала выслушаем крановщицу: у неё явно большое горе.

Оказалось, на операцию мужа требовалась немалая сумма денег. Уладили этот вопрос с помощью фонда, созданного при моем содействии в профсоюзной организации.

– Александр Петрович, а эта крановщица ваша знакомая? – поинтересовался главный бухгалтер.

– Нет, я её первый раз вижу!

– Так откуда вы знаете её имя да ещё должность? Я работаю со списками сотрудников уже почти двадцать лет и то не всех знаю!

– Так получилось, что я знаю всех сотрудников не только по имени и отчеству, но и дни их рождения, да что там дни рождения, имена их тещ, матерей, детей и даже внуков.

– Ну, это ты, Петрович, несколько преувеличил! – изумленно возмутился главный технолог.

– Это легко проверить. Ирина, принесите список сотрудников любого цеха, – попросил я вошедшую секретаршу.

– Моторный цех подойдет? – протянула она мне папку.

– Да, спасибо! – я придвинул списки сотрудников участка № 5, или как мы его называли моторный цех, бухгалтеру, – Назовите номер сотрудника по списку...

– Да пусть будет вот, хотя бы номер 87.

– Номер восемьдесят семь, Антонов Игорь Семёнович, слесарь четвертого разряда, 1973 года рождения, женат, жена – Антонова Галина Юрьевна, в девичестве Мартынова с 1976 года рождения, двое детей, сын Юрий, год рождения называть?

– Нет! Быть такого не может, что бы вот так! Это просто мистика какая-то!

– А можно я попробую, – Алексей потянул к себе папку со списками – Вот номер 123, а?

– Номер сто двадцать три, Григорьева Марта Филипповна, 1958 год рождения, инструментальщица, вдова, муж умер пять лет назад, кличку любимой собачки назвать?

– Ну, Александр Петрович, ну вы прямо Вольф Мессинг!

– Так, господа – товарищи, а работать мы сегодня будем? Или так до вечера протешимся?

– Так интересно же, да и сам ты....

– Все! Все, потом обсудим мои достоинства!

Вечером я сам долго думал, как я могу это делать? Как могу знать мельчайшие подробности из жизни более чем трех тысяч сотрудников автозавода?

Позднее, года через два, когда я уже освоил шестой иностранный язык – французский, пришло осознание, что мои способности почти не имеют границ и мой мозг отличается от всех остальных.

Поэтому, покупая в магазине сладости к ужину, я вовсе не удивился, заметив застарелый недуг продавщицы. Достал из кармана записную книжку и написал на листке бумаги состав трав и количество сеансов приема отваров из них.

– Это вам, примите обязательно, и в сроки, которые я указал. Это поможет избавиться от болезни, выгонит камни из почек.

– А откуда вы – начала, было, продавщица.

– Неважно, знайте – это поможет! – и ушел от замершей в изумлении женщины.

В этом году нам с Николаем предстояло большое камлание, и я даже не задумывался: зачем я поеду и как это буду делать. За неделю до того как собрался на Алтай, вызвал к себе

Алексея. Главного инженера завода ценил я за смелость идей, преданность заводу и прямо-таки фанатичное знание компьютеров и прочих прибабасов, связанных с ними.

– Петрович, вызывал? – Лёшка всегда звал меня по отчеству, хотя я был всего на пять лет старше его. Конечно, в присутствии посторонних он не допускал такого панибратства.

– Да, вызывал. Проходи Алексей, мне нужен твой совет и твоя помощь. Ты английский хорошо знаешь?

– Технический – прилично, а разговорный – если не быстро, то легко понимаю. А что англичане в гости едут? Петрович, да ты сам вон как «спикаешь», тебе и переводчика не надо!

– Не надо, это точно! Только еще не надо переводчиков и на немецкий, испанский и итальянский, турецкий очень даже неплохо, а вот теперь и французский язык...

– Петрович! Да ты полиглот! И как тебе это удастся?! – подсочил изумленный Алексей.

– Вот, это и мне хочется узнать.... За три года – шесть языков, по семь месяцев на каждый.... Да и вот ещё: открой левую сторону шкафа, в углу, на полочке, нашел?

– Так это карты! Ты что в картишки переброситься решил?

– Решил, решил.... Возьми любую карту, так, шестерка бубей!

– Здорово! А теперь?

– Король пик!

– Черт! Точно! Как это возможно?!

– Давай, Лёшка, побереги эмоции! Возьми газету, читай про себя

Когда я просто повторил то, что видели глаза Алексея, словно прочитал текст сам, он в изумлении сел на стул

– Этого просто не может быть.... Как это возможно?! Петрович, ты – гений!

– Ладно, Лёша, хватит мне петь дифирамбы, я тебя не для этого пригласил. Хочу, чтобы ты помог мне разобраться в том, что произошло со мной.

После моего краткого рассказа о событиях на Алтае, разумеется, я не сказал ему ничего о Священной Горе и тайной пещере, Алексей в волнении забежал по кабинету.

– Ясно одно: все эти изменения с тобой произошли от твоего названного отца, это он передал тебе тайные знания! Нужно тщательно изучать все это, если такое доступно одному человеку, то можно научить и другого.

– Лёшка, не фантазируй, я тебе не подопытный кролик! Через три дня мы с тобой выезжаем на Алтай, там мне предстоит проводить камлание, – на лице Алексея промелькнуло крайнее удивление. – Это обряд такой, я в нем ничего не смыслю, однако, как уверяют очевидцы, уже один раз прекрасно справился с этим делом.

– Да с такими-то способностями! Ты любой обряд проведешь! Петрович, а на каком языке ты проводишь эт самое камлание?

– Вот для этого я тебя и позвал. Понимаешь, вместе с названным братом, Николаем, я участвовал в этом обряде, да что там участвовал – проводил его! Все дело в том, что не знаю, как и не помню ничего! Просто – провал в памяти, черная полоса. Ничего нет...

– Может, гипноз? Или какие-нибудь галлюциногены? Я слышал: шаманы грибы специальные употребляют.

– Все равно хотя бы что-то да осталось в памяти: образы, цвет, звук! Ничего! Сплошная чернота....

– Тогда это воздействие на мозг! Стертая память, я слышал: такие опыты проводились...

– Ну да, сначала загрузили в память все слова обряда, движения, пляски с бубном...

– Петрович, так ты что – с бубном скакал?!

– Хватит зубоскалить! У меня к тебе вполне серьезное предложение! Ты едешь со мной на камлание и фиксируешь, слышишь, фиксируешь все происходящее там! Только знай: электроника там не работает, аккумуляторы сразу разряжаются. Все и всех типов.

– Ух, ты! А причина? И как разряжаются – полностью или минимальный ток все же остается?

– Ты у нас кто? Главный инженер? У тебя сколько сотрудников? Почти двести?

– Откуда двести? Всего сто двадцать восемь!

– А программисты? Водители, секретари?

– Петрович, ты бы ещё техник посчитал....

– Техник не буду! Значит так: завтра выскажешь все идеи и соображения, скажем, к трем часам. Нужно понять, что происходит, как это возможно и какие нужны средства для безопасного наблюдения. Нужны: как картинка, так и звук. Найди фактор воздействия, что там? Грибы, гипноз, излучение.... Разбейся! Билет тебе уже куплен, вылетаешь с нами, я с семьей еду.

– Татьяна тоже едет? – обрадовался Алексей.

– И Татьяна, и дочь – все едем. Надо же им погостить у мамы и бабушки! Давай, Алексей, действуй!

Теплый майский вечер дышал ароматом расцветающей сирени и манил начинающейся вечерней прохладой. До моей квартиры, в строящемся авто городке, было рукой подать, но автомобилем – в объезд. Строители перекопали все и вся под трубы теплотрассы.

Я махнул рукой водителю и пошел пешком: в такое время не хотелось даже садиться в автомобиль. Ага, в одном из припаркованных автомобилей целовалась парочка влюбленных! Валерка! Вот шустрый малый, неделю как дембельнулся, а уже нашел себе пассию! Валерка сначала сделал вид, что не знает меня, но, видно решив, что, может, придется обратиться ко мне, расплылся в улыбке и приветливо поздоровался. Потом, сообразив, что место для свидания выбрано не самое удачное, завел машину, собираясь уезжать.

Вот тут-то как раз и произошло, то, что не только меня, но и эту влюбленную парочку повергло в шок.

По асфальтовой дороге, что шла слева от канавы теплотрассы, из-за угла дома вынырнула машина. Наша, по-моему, ВАЗовская «копейка». Когда машина была метрах в двадцати от меня, в заднем окне её, вдруг забился, затрепетал, огонёк автоматной очереди. Пули вгрызаясь в перила и столбик деревянного мостика, проложенного через канаву теплотрассы, и веером устремились ко мне. Словно зачарованный, я смотрел, как они вязли в мгновенно загустевшем воздухе, оставляя после себя темные воронки на уровне моей груди. Визг покрышек бешено удаляющейся машины – и все стихло.

– Александр Петрович! Вы живы?! Куда вас зацепило? – Валерка тормозил меня.

– Нет, нет, спасибо! Не ранен, даже не задело... – я пытался понять, что же произошло.

– Вот, блин, гад! Почти целый рожок по вам выпустил! А не попал! Мазила! Ой, простите, что это я.... Но как же так? Наш автомобиль точно был в секторе обстрела, а не одна пуля не попала... Он, что холостыми шмалял?! – Хотя нет! Вон чуть не пополам развалил брёвнышко мостика....

– Да и вот в конце, когда стволом автомата повел, тут одна пуля в дереве сидит.... Как же так? Почему вас не зацепило?

– Не знаю... – перед моим мысленным взором все ещё стояли темные воронки, словно растаявших пуль в сгустившемся воздухе предо мною.

– Да вы не волнуйтесь, товарищ генеральный директор, этих стрелков можно быстро найти! У меня регистратор работал, все записал.... Вот у Людмилы и ноутбук с собой, и флешка, сейчас перепишем и вам отдадим.

– Хорошо, Валерий, завтра возьмете всё назад, программисты скопируют и вернут вам все носители информации.

– А можно будет к вам на прием прийти и там забрать?

– Конечно можно, часиков к десяти приходи, только не опаздывай, у меня день жестко расписан. И ещё, давайте договоримся, что ничего никому рассказывать не будете. Свидетелей нападавшие вряд ли оставят в покое!

– Блин! Точно! Но, может, они не заметили нас: мы же в машине были?

– Будем на это надеяться! Да и вы, если будете помалкивать, то думаю, обойдется.

Глава девятая

Завтра я открывал двери своего кабинета в семь часов. Сразу включил компьютер и позвонил Алексею и начальнику охраны. Алексей, по молодости и беспечности, проспал и клятвенно заверил меня, что будет через пятнадцать минут. Так я и поверил! Ещё не было случая, чтобы он пришел в точно назначенное время, так, что у меня было минут двадцать на просмотр записи с авторегистратора и на осмысление произошедшего. Предположим, что заказ на мое убийство поступил от фирмы, которая считала, что мы перехватили их кусок пирога, так как они должны были получить госзаказ на строительство автосборочного завода. Но мы были конкретнее, и тендер выиграли вчистую. Ещё бы – мы предложили строительство полноценного автозавода с выходом на мировой уровень. Кроме того, наше предложение построить социальные объекты и жилой комплекс при автозаводе, просто не оставили никаких надежд соперничающей фирме. Но вот так пойти на убийство, это уже слишком!

Компьютер послушно выдал картинку записи с регистратора. Плохо было то, что запись была не сплошной, а сделана с интервалом времени – через пять кадров. Все равно можно было видеть детали нападения. Вот пули превращают в мочалку перила мостика, а вот бьют по мне – слабые вспышки на расстоянии вытянутой руки. Отъезжающий автомобиль и подбегающие парень с девушкой. Понятно, что большая часть пуль должна была превратить мою грудь в подобие сита. А я даже не шелохнулся. Как это можно объяснить?

Память услужливо подсказала: «Альдыге – это и слуги и защитники. Они станут невидимы, но будут нас защищать!» Спасибо тебе, Николай, за подсказку.

– Интересно, а самоубийство они тоже предотвратят?

От такой глупой мысли меня отвлек приход начальника охраны.

Отставной военный и тренер училища десантников был осужден и отсидел шесть лет. Причина, как всегда банальна до простоты: не мог удержаться, когда трое хамов приставали к женщине. В общем, наша Фемида оказалась, как всегда, слепа: за сломанную челюсть, две вывихнутых руки и разбитый вдребезги нос – сел тренер на тюремные нары.

Когда кто-то из однокурсников по училищу сказал мне об этом, я сам разыскал Сергея Филипповича и сразу же предложил ему работу у нас на заводе. Он помолчал, усмехнулся и протянул мне справку об освобождении. Я, так же молча, не читая её, свернул её и положил на столик у телевизора.

– Хватит дома сидеть! Нам нужен хороший начальник охраны!

– А вы, курсант Холмин, уверены, что я буду хорошим начальником? – наш «Филиппок», так звали мы тренера в учебке, специально назвал меня по фамилии, показывая, что помнит меня.

– Главное, чтобы вы были уверены в этом!

Так у нас на заводе появился начальник охраны.

– Александр Петрович, почему такая спешка? Случилось что?

– Подождем нашего компьютерного гения, вместе и обсудим.

Лёшка ворвался, взъерошенный как воробей и, запыхавшись, выпалил:

– Александр Петрович, всего пять минут, у нас в поселке все перекопали, пока объехал...

Я, прервав его красноречивое оправдание, показал ему на стул.

– Сейчас я покажу вам кое-какое кино, но только дайте слово, что никому, слышите, даже близким своим не скажите об этом ни слова!

– Петрович, да к чему эти напоминания... – возмутился Алексей, но умолк под жестом моей руки.

– Слово офицера! – Сергей Филиппович был не многословен.

– И я даю слово, – эхом за ним повторил Алексей.

Когда они просмотрели видеозапись, минуту не могли прийти в себя от увиденного.

– Да, ты, Александр Петрович, в рубашке родился! Он в тебя весь рожок выпустил и не одна пуля не зацепила?! Это что-то невероятное! Алексей, перемотай назад.... Вот здесь останови.... – Сергей Филиппович, внимательно всматривался в экран компьютера. Вот это что?

Стоп-кадр четко показал стрелка в маске, но и так же четко было видно, как пули, словно взяли в полуметре от меня, оставляя короткие черточки искр.

– Вот что, друзья мои, про покушение на меня знают всего несколько человек. Вы и Виталий Мартынюк, это с его регистратора кадры. Я прошу вас все произошедшее сохранить в тайне, тем более, что кроме мостика через канаву, никто не пострадал. Вы, Сергей Филиппович, по своим каналам пробейте, кто за этим стоит. Меня тревожит не только то, что покушение может повториться, меня беспокоит безопасность моей семьи. Поэтому я думаю оставить их на Алтае на неопределённый срок.... Со мной поедет и Алексей Сергеевич.

Лешка, услышав свое отчество, принял озабоченно – серьезное выражение лица.

– Все. Вас Сергей Филиппович, прошу начать с автомобиля, а Алексей останься: мы перенесем нашу техническую беседу с трех часов, на более раннее время.

Пока Алексей излагал, как он думает организовать запись нашего камлания и какие меры примет для нормальной работы аппаратуры, я размышлял, кому и зачем нужно было мое убийство.

Вдруг, словно в немом кино, в мозгу замелькали картинки.

На столе, застеленном белой скатертью, в бело – синих тарелках, нарезаны тонкие ломтики колбасы, красные помидоры, огурчики и дымящееся жаркое под белым соусом. «Грибной соус» – почему-то подумал я.

«Жируем?» – слегка скрипучий голос как бы возник у меня в голове. Картинка сместилась, и я увидел мужчину средних лет. Лицо его было знакомо мне. Память услужливо подсказала: «Заместитель коммерческого директора предприятия «Авто и К⁰», Пилипец Виктор». Заместитель Пилипец вел себя вполне по хозяйски. Он открыл плоский дипломат, достал ноутбук, и, когда появилась картинка, повернул её. «Издалека снимали, – отметил я, – Хороший телеобъектив!».

На фото был я. Вот выхожу из дома, сажусь в машину, вот захлопываю дверцу. Пилипец пальцем, постучал по углу экрана, где видно было время съемки.

«Живой! Быть такого не может!». «Может, ещё как видишь, может!» – проскрипел Пилипец.

«Хреновый ты стрелок! Мазила! А бахвалился, – что в армии из автомата семьдесят из ста выбивал! Вот, выбил, сам видишь!» – «Да я в него пуль десять всадил! Решето, можно сказать, сделал, ручаюсь: пули точно ложились!»

«Ладно, давай сделаем так: твой косяк, тебе и исправлять! Когда я ходил на торговом флоте, у нас была поговорка «Без спасения – нет вознаграждения! Сделаешь работу – будет вознаграждение» Пилипец захлопнул ноутбук, не спеша налил себе коньяк в тонкую рюмку, выпил, похрустел огурцом и пошел к двери.

«Покажите квартиру!» – почти взмолился я. Ага, вот дверь с табличкой «52», несколько ступенек, «Первый этаж», – отметиной врезалось в мозг. Поворот за угол дома, «Почтовая 12А»...

– Вот я и говорю, что диктофонов с вами – будет два, – прервал мои видения голос Лёшки, – Петрович, что с тобой? Ты меня как будто не слышишь?

– погоди, Лёша, – селектор отозвался голосом начальника охраны, – Сергей Филиппович, бросай все и немедленно ко мне!

Глядя на изумленное лицо начальника охраны, я улыбнулся: ведь все привыкли, что я никогда и ничего не забывал и дважды не вызывал к себе в кабинет.

– Сергей Филиппович, три дня назад мы ездили в администрацию подавать пакет документов по госзакупкам, там речь шла о довольно крупной сумме....

– Да, почти на триста миллионов...

– Кто ещё изъявил желание участвовать в тендере?

– Еще две фирмы: одна не может приниматься всерьез, но вот фирма «Авто и К⁰» вполне могла бы составить нам конкуренцию.

– Так вот, заместитель коммерческого директора этой фирмы, некто Пилипец, по-моему, его зовут Виктор, и выступает в роли заказчика на мое убийство. Конечно, не сам лично, за его спиной стоят более крупные фигуры, но он курирует и направляет киллера. Сам стрелок сейчас отсиживается на квартире 52 по улице Почтовой 12А...

– Александр Петрович, сведения точные? В какой степени им можно доверять?

– Точные, точные! Доверяй им как мне! – я написал на листочке адрес и протянул начальнику охраны.

– Взять стрелка и вытрясти с него нужную информацию – это вряд ли будет резонно. Тут нужно заставить заказчиков искать новые пути подхода и новые схемы покушения – «Филиппок» был явно в своей стихии.

– Что предлагаете, Сергей Филиппович? – поторопил его я.

– А тот бронированный джип, что стоит у нас в боксе, ну тот, что достался нам три года назад, он ещё у нас?

– По-моему, да, хотя это можно точнее узнать – я нажал кнопку селектора – Владимир Семёнович, черный джип, ещё у нас? Да, на месте...

– Давайте в эти дни вы будете ездить только на нем и под усиленной охраной: у них наверняка установлено наблюдение за всеми перемещениями.

– Да, это, наверное, так. Сергей Филиппович, проверьте, где можно установить наблюдение за моим подъездом? Утром сделали пару снимков, все с достаточно большого расстояния.

– А откуда вам известно о снимках Ах, да! Примерно, какое расстояние?

– Метров триста, триста пятьдесят и немного левее, скажем; метров на тридцать!

– Хорошая точность! Следующая деталь в нашем плане: вы, подъехав к дому, спровоцируете скандал с охранником и как бы выгоните его с работы. Немного погодя, я приеду к дому, и мы встретимся с уволенным вами охранником в кафе напротив – думаю, оттуда ведется наблюдение. Эти ребята не дураки и должны пойти на контакт с опальным охранником. Далее мы продержим их на крючке, заставим раскошелиться на подкуп охранника. Вот, когда после мнимого исполнения они придут его убирать, вот тут мы и повяжем и стрелка, и заказчиков: так у нас будет на них и видео, и записи разговоров.

– Примитивно, но, думаю, сработает. Им не останется иного пути приблизиться ко мне. Послезавтра я уезжаю, это пока в секрете. Как только уеду, распространите слух, что взял недельный отпуск и отдыхаю в санатории. Название санатория можете менять, пусть у них возникнут сомнения о точности информации.

– Все понятно – сделаем! Только охранника придется посвятить в наш план, так как ему выпадет трудная задача: предательство и мнимое убийство.

– Да, все верно, вы, Сергей Филиппович, сами подберите нужного человека и сообщите мне.

– Так точно! Разрешите идти?

– Идите..., – я привык к четким, по-военному лаконичным и точным ответам начальника охраны.

– Все, Лёша, давай сам дальше со всеми своими дивайсами и прочими устройствами. Послезавтра вылетаем в Новосибирск.

Глава десятая

Не стану описывать детали моего пребывания на Алтае, скажу только, что в священную пещеру Николай ходил до моего приезда. С помощью шаманского посоха, он открыл вход, постоял возле останков предков, взял немного золота – нужны были деньги на постройку больницы в его аиле, да и мне помочь хотел, автозавод поистине был черной дырой по поглощению денег!

Ровно через неделю ждал я Алексея, который уезжал с Алтая тремя днями позднее.

Лёха зашел ко мне в кабинет, взъерошенный как весенний воробей. По его чрезвычайно озабоченному виду легко можно было понять, что случилось нечто неординарное.

– Ну и видок у тебя, Алексей Сергеевич, словно с сеновала упал! Давай, выкладывай, что у тебя там.

– Петрович, тут такая пурга, не знаю, с чего и начать....

– Как всегда, танцевать лучше от печки, а начинать – сначала! – подбодрил я нашего компьютерного гения.

– Все получилось: есть и картинка и звук, да и телеметрия тоже такое выдаёт!

– Ну, ну, – подбодрил я его, пока он включал ноутбук.

– Вот, смотрите.... Как только вот эти ребята в лиловой форме подали вам шапку, кстати, на макушке такой кристалл шпинели, мама моя! Он один стоит побольше нашего моторного цеха! Так вот, как только вы надели эти шапочки, сразу возник сигнал, и мощность неплохая, я оцениваю его полтора, два киловатта, или, если источник сигнала близко: километрах в пяти шести, тогда мощность будет меньше. Но не это интересно.... Сигнал модулирован как по частоте, так и по амплитуде. Частота модуляции просто зашкаливает – около пятисот герц! И еще идет второй сигнал – полностью совпадающий по частоте с альфа – ритмом мозга человека.

– Управление деятельностью мозга? – уточнил я.

– Скорее всего, управление частичное, я бы сказал – только движениями. Анализ с помощью компьютера показал ряд однотипных разделов сигнала, как бы команд. И еще – шел дублирующий сигнал, тот ровный, аналоговый, как бы убаюкивающий.

– А сигналы эти, шли от одного источника? – На мониторе ноутбука мы с Николаем прыгали, кружились в каком-то невообразимом танце, изредка приближаясь к костру, а порой почти касались веревок, которые огораживали круг нашего танца.

– Да, Петрович, если бы не знал, что это ты, никогда бы не узнал! – Лёшка слегка иронизировал по поводу нашего танца.

– А что? Мне даже нравится! Ты посмотри, как мы синхронно движемся!

– Не только двигаетесь, но и в одно время останавливаетесь, отвечаете на вопросы людей. Я запустил программу, она ставит специальный маркер на нужный объект и отслеживает скорость его движения, так вот движения ваших рук и ног синхронны с точностью до десятой доли секунды! Такая точность вырабатывается только у профессиональных балерин, и то с годами тренировок!

– Значит, управление извне!

– Несомненно! Мы проанализируем сигнал...

– Не мы, а ты! Ты, Лёша, один и без передачи любой информации! Надеюсь, что ты не допустил никакой утечки из наших приключений?

– Что ты, Петрович! Такое разве можно разглашать! Тут все на уровне дурдома, только качество технической стороны зашкаливает! Где-то на тысячу лет мы отстали от тех, кто посы-

дает сигналы. Все сразу и не поймешь! Думаю, дешифровка сигнала займет не мене двух, трех месяцев!

– Это вся информация? – поинтересовался я, глядя, как на экране компьютера мы с Николаем, накружившись в своем диком танце, рухнули на землю.

– Почти вся, только вот выяснить, кто такие эти «китайцы», в лиловых робах, и почему они забрали ваши шаманские «шапочки» и куда унесли. Там на этих шапках драгоценных камней навешано на большие деньги....

– Да, и мне это любопытно! Могу сказать тебе, что эти шапки шаманов, приносят и уносят они, как ты сказал – «китайцы». Также знаю одно: это слуги и телохранители одновременно. Словом – альдыге, посланцы духов Священной Горы.

– Так, может, и слуги эти спасли вас от гибели? Ну, это тогда, когда стреляли из автомата.

– Вполне возможно! Ты вот что, Лёша, определи направление сигнала, может, это можно сделать по нашим пляскам? Повороты, наклоны и все такое.... Да, а сигнал можно разделить? Он идет на двоих или на каждого танцора отдельно?

– Танцора.... Как вы это здорово назвали себя и брата! Есть небольшая зацепка – это направление шлема, эта шапочка шамана – точно антенна! Вот только сняли их с вас и всё – сигнал пропал!

– Понятно. Выжми все, что можно, с этих записей! Они ключ ко всему, что произошло со мной в последние три года. У тебя всё?

– Есть еще звук с ваших диктофонов, я аккумуляторы у них экранировал медной фольгой, так они и выдержали излучение, не разрядились. А запасной – сдох, как будто десять часов работал в режиме записи! Впервые такое вижу!

– Давай послушаем звук, – прервал я Лёшкину тираду.

– Вот, слушайте, – включил он диктофон на полную громкость.

Сквозь ритмичные удары бубна ясно слышались позвякивание золотых пластинок на шапке шамана, звуки шагов и шорохи одежды. Николай гортанным голосом прокричал ряд несвязанных восклицаний. Я тотчас ответил ему чем-то вроде: «Эй, гый ого-ей!». Вот он снова ударил бубен, и тут я привстал в изумлении со стула.

Четко поставленным голосом, на непонятном мне языке, однако смысл его слов врезался в мозг, словно это был мой родной язык, Николай произнес более чем странную в своей неуместности фразу: «Первый пилот управление принял!»

– Что, что Петрович? Ты что-то услышал?! – тормозил меня за рукав Лёшка.

Я, молча, усадил его назад, на стул, жестом показывая молчать.

Тем временем уже я откликнулся такой же нелепой фразой: «Второй пилот управление принял!» Николай, прокричав пару возгласов, продолжил: «Активировать роботов обслуживания и провести проверку систем корабля», на что я ему выдал: «Активация роботов прошла, системы на контроле!»

Далее снова возгласы без смысла и вот: «Проверку двигателей гиперпространства произвел»

И снова я: «Гравитационный щит – в норме», Николай: «Энергетическая установка – исправность сто, режим текущей работы – три процента!» Мой ответ: «Определитель масс на выходе из гиперпространства – контроль!»

Снова с десятков возгласов, криков и звуков прыжков. Ага, вот! Снова Николай: «Маршевые двигатели – контроль!» Мой ответ: «Системы жизнеобеспечения – в норме»

Снова потянулось время нашего танца, бессвязных выкриков, больше похожих на пьяный бред и опять, по-военному четкие команды: «Биороботы защиты первого пилота, активировать!» Эхом мой ответ: «Биороботы защиты второго пилота, активировать!»

А вот и последние фразы: «Первый пилот, управление – передать на авторежим».

И перед тем как нам рухнуть от напряжения танца, мои слова: «Второй пилот, управление передать на авторежим». Все, тишина....

Я, без сил, растеряв остатки мыслей, сидел на стуле, машинально взял стакан с водой, заботливо поданный Алексеем, и выпил воду в два глотка.

– Петрович, может скорую?! На тебе лица нет! Что ты там мог услышать? Одни завывания, да изредка, бормотания, да выкрики!

– Лёша, эту запись – на дешифровку и, слышишь, никому! Повторяю: никому не давай прослушать её! Среди этих, как ты говоришь, завываний и выкриков есть четкие команды и указания.

– Ого! Вот как, а как же ты узнал об этом? – Лёшка вертел стакан в руке, забыв поставить его на стол.

– Это язык, чужой и далекий язык, но мне он понятен и даже родной, потому что это язык тех, кто создал человечество и не бросил его в одиночестве. Это язык наших инопланетных братьев. И разговор мы с Николаем ведем на нем, точнее, это команды, наподобие тех, что ведут пилоты самолета перед вылетом. Только у нас не самолет: мы с Николаем пилоты галактического звездолета, а когда вылет, это пока неизвестно!

Глава одиннадцатая

– Всё, Лёша, собирай свою электронику, мне надо побыть одному....

Алексей захлопнул ноутбук и покорно поплелся к двери.

– Да, ты к этой аудиозаписи отнесись повнимательней, и потом ко мне: я ещё раз хочу прослушать, вдруг что пропустил.

– Знаешь, Петрович, до меня так и не дошло, что с тобой приключилось! Можно, я эту запись прогоню на специальной программе, это дешифратор, его в разведке применяют, она выделяет группы слов по звучанию и схожести.

– Прогоняй, что получится, расскажешь, я помогу с переводом отдельных слов.

Когда за главным инженером закрылась дверь, я, нажав кнопку селектора, попросил секретаршу не беспокоить меня хотя бы полчаса.

Мысли постепенно выровнялись, и я обрел былую способность к анализу.

«Предположим, это всего лишь слова-заклинания, которые работают просто, потому что однажды их услышали предки великих шаманов, ну например, от настоящих астролетчиков.... Но как тогда быть с излучением? Допустим, это современные технологии.... А мои способности? Хотя бы вот это – знание языков? А видение глазами другого человека?»

Все! Размышления привели к трем вопросам: что такое «шапка Мономаха», или шлем шамана, какую роль играет посох асхе, и может ли он открыть ещё какие-то потайные двери внутри пещеры? И последнее – где сам звездолет? Внутри горы? Так это какая громада! Выходило, что без поездки на Алтай и посещения Священной Горы эти вопросы не решить!

Однако поездка не могла состояться вот так сразу.

Конечно, текущие дела завода я спокойно мог оставить на ведущих специалистов. «Хорошая и слаженная у нас команда подобралась!» – с явным удовольствием подумал я. «Вот только проблема неудачного покушения на меня – этак они ещё ненароком кого другого зацепят, не дай бог убьют!»

Мысль о боге немного смутила меня. С детства был я атеистом. Нет, не воинствующим атеистом, а просто не верил я в бога. Всему виной был мой дед. На мольбы и упоминания о боге в речах моей бабушки, он, с неизменной легкой улыбкой, отвечал: «А где был твой бог, когда допустил войну с фашистом? Знаю, знаю, шас запоешь: грехи людские, за жадность и ненависть это ниспослано! А где он был, когда после атаки скосит полвзвода, раненые лежат, стонут.... Кто молит господу: «Помоги, или пошли смерть, терпеть нет больше мочи.... И что, помогал?!»

Нет, в глубине души я в Бога верил, только не в того бородатого дяденьку на кресте, а было это что-то невообразимо огромное, всепроникающее и всегда и все знающее.

Что-то вроде гигантского компьютера, где люди – файлы, каждый со своим содержанием и смыслом. Вот и сейчас я поймал себя на мысли, что сам становлюсь сродни богу с его могуществом и возможностями. «Эко куда хватил!» – усмехнулся я про себя, разобраться бы в простых вещах.

– Ирина Николаевна, – я поднялся из-за стола навстречу вошедшей по моему вызову секретарше.

– Слушаю вас, Александр Петрович – откликнулась она.

– Сергея Филипповича – ко мне и сделайте нам два кофе.

У секретарши от удивления чуть приподнялась бровь. Все знали мою крайнюю неприхотливость к личным удобствам и потребностям.

Никогда без крайней на то нужды, я не просил людей своего окружения сделать для меня что-то лично. А уж о моем аскетичном образе жизни по заводу ходили легенды. Конечно, после

женитьбы я сделал все, чтобы моя семья не нуждалось ни в чем. Вот только украшений у моей жены не было совсем, если не считать обручального кольца. Она и не роптала. Как же – великие шаманы служат людям!

– Проходите, проходите, Сергей Филиппович, – приободрил я «Филиппку», когда он вошел в двери.

– Рад вас видеть, Александр Петрович, как поездка? Как Алтай?

– Спасибо, все прекрасно, вот родня вам мед передает, лечение супруги как проходит?

– Спасибо на добром слове! Как вы и предполагали, хвойный лес ей на пользу, думаю, вот закончим операцию «Троянский конь», буду проситься на Алтай. Говорят, вы там санаторий решили строить?

– И санаторий, и туристический комплекс – все будет! А что это за операция – «Троянский конь»?

– Это мы так условно называем операцию по ликвидации всей команды ваших убийц....

– Вот как! Интересно!

– После вашего отъезда, как мы и предполагали, они вышли на «обиженных» охранников. Правда, нам пришлось несколько изменить схему вербовки ваших телохранителей. Для большей достоверности, пришлось того охранника, что якобы вступил с вами в конфликт, уволить. А его друга, якобы за ту же провинность, наказать – лишить бонусов за год. Причем, все это оформлено приказом и доведено до всех сотрудников не только охраны, но и администрации. Конечно, на самом деле, «уволенный» охранник уехал отдыхать за границу, а лишенный премии, работает. Они после этого случая, здорово загуляли в кафе, напротив вашего дома. Громко ругали вас, говоря, что вы деспот и их наказание они не оставят без ответа. Как и предполагалось, к ним подсел человек, это фотограф, мелкая сошка, мы выяснили, что некто, представившийся корреспондентом «желтой» прессы, заказал у него ряд ваших фотографий....

– Так вот откуда эти утренние снимки....

– Что? Какие снимки?

– Нет, нет, ничего, я говорю, что утром из кафе хорошо снимать: солнце хорошо освещает.

– А-а, так вот этот фотограф предложил встречу с мнимым корреспондентом, мол, тот хорошо заплатит за интервью и за фотографии отдельно.

– Купить, значит, решил!

– Да, Александр Петрович, за интервью честно заплатил.

– Тридцать серебряников? – усмехнулся я.

– Почти двадцать тысяч!

– Ого! Щедрый «корреспондент»!

– Это ещё не все! Я, с помощью знакомых из полиции, «накрыл» брата нашего охранника. Подбросили ему наркоту...

– Вы зачем человека подставили?! – развернулся я к «Филиппку».

– Ничего, мы его уже вытащили, точнее, вытащили они: откуда у нашего охранника такие деньги? Вот он и оказался у них на крючке! Предложили вернуть долг, да где взять такие деньги простому телохранителю? Поставили условие, ну и все такое.... Вообще, вчера сделали предложение – убрать вас, долг скостят и ещё доплатят.

– Интересно, во что мою голову оценили?

– Пятьдесят тысяч евро, это без учета долга!

– Мало, для директора автозавода, явно мало! Обидно, что наши недруги столь мелочны.

– Я так и сказал Константину, это наш человек, телохранитель, которого они вербуют, мало, говорю, проси больше! Так они сторговались на восьмидесяти, сегодня принесут оружие.

– Как предполагается меня убить?

– Пистолетом с глушителем: при остановке у дома телохранитель открывает двери и, при вашем выходе, снайпер снимает второго телохранителя, а наш «Троянский Конь» – вас и водителя.

– Путь отхода нашего убийцы? – мне была любопытна задуманная схема покушения.

– После выстрелов наш человек выбрасывает труп водителя и скрывается с места преступления на вашей машине. В двух кварталах отсюда его подбирает их человек. Он ждет его на другой машине. Там отдает остаток суммы.

– Сколько заплатят предварительно?

– Четверть суммы...

– Значит, планируют киллера убрать, во всей этой операции есть одно слабое звено! Так что ваш «Троянский Конь» явно хромает!

– И где прокол?! – было видно, что начальник охраны недоволен моим высказыванием.

– Снайпер, снайпер, который уберет первого телохранителя: он будет отрабатывать свой хлеб и стрелять наверняка!

– Это мы тоже предусмотрели, – «Филлипок» расплылся в довольной улыбке, – Вот, взгляните, это фото с тех мест, откуда может работать снайпер. С крыши над кафе, далеко и солнце мешает, с отвалов карьера? Да там он как на ладони! А расстояние? Дальше! Вот, взгляните, крыша детского сада, вот здесь, на ограждении крыши, видите, одной плитки нет, ствола винтовки не будет видно, да и освещение нормальное, как раз подходит!

– Они, что там строители, совсем страх потеряли?! Первого июня садик сдали, и уже плитки нет?! Кто там прораб? Лиховенко? Ох, и попляшет он у меня!

– Погоди, Александр Петрович, метать громы и молнии, может, это стрелок и убрал плитку, вот видишь, она рядышком лежит.... Вообще, мы на всех направлениях стрельбы разместим своих людей. А снайпера снимем.

– Как вы предполагаете это сделать? – план начальника охраны начинал мне нравиться.

– Вот смотрите, строители не сняли с крыши печь для разогрева битума, как только стрелок займет позицию, а у него, несомненно, будет человек, который выводит на цель (скорее всего это будет по телефону) так вот наш контр – снайпер, в щелочку бака, будет следить за ним. Как только тот изготавится для стрельбы, нейтрализует его!

– А если?

– Если не будет! – в голосе «Филиппка» прорезался металл, – за каждым движением снайпера на крыше будут следить наши люди вот с этого дома, с помощью телекамеры. При его чрезмерном любопытстве, ну это если он подойдет к баку, наш человек нейтрализует его. У него пистолет, а при промахе нашего стрелка, что крайне маловероятно, снайпер развернется в его сторону и как у них ещё сложится дуэль.... Ну и, наконец, на вашем телохранителе будет бронежилет и, открывая дверь, он пригнет голову.

– Как говорят: простенько и со вкусом! Надеюсь, материалов у вас хватит?

– Этот лже – корреспондент замдиректора Пилипец, полностью у нас на крючке: и картинка, и звук записаны при вербовке. Снайпер так же расколется: ему не выгодно дважды работать задаром, кроме того, за ним наверняка шлейф убийств тянется...

– Добро! Так, когда меня убивать будем? – я отхлебнул давно остывший кофе.

– Скажете тоже! Убивать! Сегодня вечером завершающий этап операции «Троянский конь».

Глава двенадцатая

– Простите, не будете ли так любезны, поменяться со мной местами? Мое кресло у иллюминатора, а я в полете не люблю смотреть в окно.

Предо мной учтиво склонился человек зрелого возраста. Серые умные глаза, в которых застыла некоторая хитринка, борода клинышком – «а-ля Дзержинский»

«Архитектор или историк» – мелькнула у меня мысль.

– Пожалуйста, я с удовольствием уступлю вам свое место: признаться мне всегда нравится смотреть на смену вида за иллюминатором самолета. И знаете – скорость привлекает...

– Вы, наверное, пилот? – «архитектор», внимательно посмотрел на меня.

– Нет, а почему вы так решили? – я пересел к окну самолета.

– Скорость и виды из окна самолета, сами сказали, это вас привлекает.

– А, вот вы о чем! А я решил, что вы историк.

– Знаете, вы угадали! Вообще-то я – этнограф, вот лечу на Алтай по приглашению одного очень интересного человека, вот взгляните, у меня его фотография.

Я мельком взглянул на фото и чуть не выхватил его из рук этнографа. С фотографии на меня, улыбаясь, смотрел Николай!

– Это же мой брат! Фермер Николаев из поселка Чулмыш!

– Как интересно! Представьте, а я гостил у них в прошлом году, и он обещал показать мне плато Укок, слышали про такое?

– Да, это место захоронения царей, колдунов и шаманов Алтая! Говорят же: мир тесен, представьте, я еду тоже к нему, хотя мы расстались с ним недавно, я пару недель назад гостил у него.

– Мне жаль, что еду позднее, немного задержался в Аргентине, а так хотелось посмотреть обряд камлания, говорят, в этом году он был весьма необычный: сразу два шамана исполняли этот обряд.

– А откуда вам это известно? Ах да, при современной связи новости расходятся мгновенно!

– Мне не только это известно, мне известно, что вы Александр Петрович, сами камлали, так сказать, были шаманом на этом обряде!

– Простите, кто вы? И откуда такая подробная информация обо мне? – интересно, почему я так спокойно говорю с незнакомым мне человеком? Почему, даже после покушения на меня, я абсолютно спокоен?

– Позвольте представиться, – чуточку гортанные, но мелодично – напевные звуки такой родной, но бесконечно далеко затерянной в веках речи, заставили меня развернуться в сторону говорящего, – Архипов, Василий Прокопович, инспектор...

Эту речь я узнал бы из тысячи чужих языков и наречий, этим языком мы с Николаем разговаривали во время камлания. Боюсь только, перевод последнего слова был несколько неточен. Я перевел его как «инспектор», однако ближе подошло бы слово «наставник»

– Извольте взглянуть вот сюда, – Архипов открыл небольшую книгу, провел по ней ладонью, и на просветлевшей странице калейдоскопом замелькали кадры нашего пребывания в пещере. Вот Николай прилаживает посох отца, вот я плечом толкаю преграду входа в пещеру, карабкаюсь вверх в мокрой одежде. Даже сейчас я ощутил живительное тепло костра, глядя, как мы, выжимая одежду, прыгаем у яркого пламени.

Инспектор Архипов захлопнул книгу и достал из кармана небольшую палочку, толщиной с палец, сантиметров восемнадцать длиной – такое впечатление, что она была сделана из пластмассы – нажал на небольшую кнопку.

«Похоже на светофор», – подумал я, так как успел рассмотреть три кнопки в ряд: красную, желтую и зеленую.

Мою мысль прервал «лиловый» китаец, учтиво склонившийся перед нами.

«Черт! Откуда он взялся в проходе салона самолета, летящего на высоте десять тысяч метров?!»

Инспектор сказал несколько слов на незнакомом мне языке, более напоминающем команды, и «лиловый» жестом фокусника достал из воздуха фарфоровое блюдо, полное плодов манго.

– Угощайтесь, знаете, люблю вкус этих плодов – в полете так освежают!

– Спасибо, – я отошел от изумления, – А пассажиры не возмутятся присутствием альдыге?

– Нет, для них он не видим: тут все просто – свет проходит через него словно через прозрачное стекло, а вот удариться об него они могут, но мы его деактивируем – с этими словами он передал мне свой прибор – «Красная кнопка».

Когда я нажал на указанную кнопку, наш слуга исчез.

– Здорово! Хорошо хоть фрукты оставил! А если я на зеленую кнопку нажму?

– Да ничего не произойдет: активатор на вас не настроен.

– Давайте перейдем к делу – прервал я его фокусы, возвращая назад «волшебную палочку».

– Насколько я понимаю, вы здесь не столько по делам этнографии или археологии, а скорее из-за наших с Николаем, персон!

– Вы проникательны и правы – Архипов невозмутимо снимал тонкие дольки сочного фрукта, оставляя на косточке белые следы от острого лезвия ножа.

– Угощайтесь, или вы предпочитаете другие фрукты? – Архипов протянул мне продолговатый плод, – можете заказать...

– Нет, спасибо, я стараюсь не есть в самолете.

– А что такое – укачивает? – Архипов аккуратно положил нож на блюдо рядом с тремя оставшимися плодами. Приподнялся и нажал кнопку вызова стюардессы.

– А давайте мы сделаем так: вы задаете вопросы, а я отвечаю на них, кстати, на каком языке вы предпочитаете вести беседу?

– Давайте на русском, на нем более образно и точнее можно выразить любую мысль.

– Это верно! Помните выражение: «Пиво пить будешь? Да, нет, не знаю....» Кстати, ни один переводчик просто не может дословно перевести эту фразу! Ну не имеет она смысла ни на одном языке, кроме русского! – инспектор Архипов засмеялся довольный собой.

– Простите, вы меня вызывали? – стюардесса в сине – белой форме с приветливой улыбкой смотрела на нас.

– Да! Вот это вам, Людмила Николаевна! – Архипов протянул ей блюдо, на котором лежало уже пять крупных плодов, и не было ни косточки от манго, ни ножа.

– Кстати, это блюдо само по себе эксклюзивно: таких художник сделал всего восемнадцать штук, я дарю его вам!

– Ой, что вы! Это дорогой подарок! – засмушалась стюардесса.

– Берите, берите – это мой подарок ко дню вашей свадьбы!

– А откуда вы зна.... – стюардесса вдруг умолкла под взглядом Архипова и, уходя, тихонько прошептала: – спасибо.

– Вот удивится, когда узнает, что её блюдо стоит больше самолета! Этот фарфор из личного набора китайского императора династии Мин! – Архипов был весел и беззаботен.

– Итак, коллега, вы хотели узнать, для чего я прибыл к вам? Здесь как раз все просто: есть определённый срок после которого, вновь назначенные пилоты должны получить подробные

инструкции, пройти курс обучения, да и просто получить определенные средства к жизни и для достижения тех целей, которые будут стоять перед ними.

– Так мы, вроде, и не бедствуем, сами твердо стоим на ногах! – уколол я нечаянного наставника. Архипов даже ухом не повел на мой словесный выпад.

– Не бедствуете, это так, только скажите на милость, за какие деньги вы будете вытаскивать из тюрьмы нужного вам человека? Сделаете налет с автоматами или гранатометами?

– А зачем мне вытаскивать какого-то преступника? Да ещё из строго охраняемой тюрьмы?!

– Э-э, батенька, вы с братом не прошли ещё обучения, поэтому так говорите....

– Кратенько поясню: вы оба пилоты звездолета третьего класса типа «Ковчег», ваша задача – в час икс, взяв на борт пятьсот человек, вылететь в ближайший космос и готовить корабль к прыжку через гиперпространство.

– Так мы что?! Спасатели? Наш корабль спасет группу людей? И кто эти люди? По какому принципу ведется отбор? Опять билеты будут куплены богатеями?

– Сколько вопросов сразу! Да, вы спасатели.... Кроме вашего звездолета есть ещё корабли: два на Тибете, один на Камчатке. Кавказ – две единицы. Альпы, Кордильеры, Аляска – по одному, Австралия, остров Борнео и Африка – тоже по одному. Всего на борт будет взято шесть тысяч жителей Земли.

– Предвижу твой вопрос насчет часа «Х»! Увы, нет ничего вечного в этом мире! И какой бы прекрасной колыбелью для человечества ни была Земля – придет конец и её существованию! Когда это произойдет? Это может узнать только система. Что это такое? Узнаете, когда приедем к Николаю. Отбор людей, подлежащих эвакуации с гибнущей планеты, ведет так же она, как вы говорите – билеты продает тоже система. Ваша задача – доставить их на борт корабля, где бы они ни находились! Да хоть в тюрьме! – Архипов опять засмеялся.

«Весёлый, однако, наш наставник, или все-таки инспектор?» – подумал я.

– Зовите меня лучше инструктор, инструктор – наставник! – откликнулся он.

– Да, я умею читать мысли, впрочем, как и вы, однако, если желаете, чтобы они были недоступны, закройте их для чтения. Просто подумайте об этом.

– Вот мы и подлетаем к Новосибирску, я прошу вас об одной услуге: Николай ничего не знает обо мне, просто я для него обычный научный сотрудник, давайте некоторое время мы оба будем считать, что это так.

– Согласен, только когда он узнает о вашей настоящей миссии?

– Немного погодя, дня через два по приезду, мы уговорим его посетить Священную Гору, там и пройдете курс обучения, получите вот такой прибор, – Архипов вынул свою «волшебную» палочку.

– Мы его зовем: экспилит, это аббревиатура из начальных слов – электронный коммутатор службы пилотов и техников. Считайте его чем-то вроде банковской карточки, только с более широкими возможностями.

– И последний вопрос, – с чего это я стал такой любопытный?

Сам корабль мы увидим?

– Да, но только на экране, в натуре его сложно будет вам представить, но перед полётом его целиком вновь соберут нанороботы. А вот в креслах управления вы посидите, на тренажере полетаете. Всему свое время!

Самолёт чиркнул колесами по бетонке аэродрома и мягко присел на шасси. Турбины, запущенные на реверс, начали гасить скорость. Мы прилетели.

Глава тринадцатая

Уже в Горно-Алтайске, сходя с трапа самолёта, я заметил в толпе встречающих небольшой плакат, на котором было написано: «Архипов»

– Вас встречают! Только, по-моему, это не Николай.

– Ничего, забирайте багаж, мы вас подождём, – и Архипов направился к выходу.

«Везёт человеку: налегке прилетел, не то, что я – подарки жене, дочке, тёще и другим родственникам. Еле уложился в двадцать килограммов»

– О – о! Ульген Ирбис! Добро пожаловать домой! – засуетился встречающий нас мужчина, наверное, водитель присланный Николаем.

Архипов даже ухом не повел, услышав мое новое имя. Водитель, сначала представившийся Василием, потом, немного смутившись, назвал свое ойротское имя – Итыген, что означало: «Друг Марала», схватил мой дорожный чемодан и, несмотря на возражения, понес его к машине. Автомобиль был не выдавший вида УАЗик, а вполне современная, новенькая белая «Тойота».

– Разбогател Николай, вон за нами какую машину прислал! – заметил я.

– Нет, это моя машина, Николай премию дал за хороший труд, он себе мало берет, совсем мало, вон даже машины у него хорошей и то нет! Народ к нам в Чулмыш сильно стал возвращаться. Больницу и школу построили, комплекс для туристов на Бии достраивается, конные переходы по Алтаю шибко популярными стали. Да и в животноводстве дел сильно прибавилось. Николай за что ни возьмется – все получается! Одним словом, – шаман, сами духи ему помогают! Вот только беда – наследника нет! Одни девки до сих пор родились! Наверное, вторую жену будет брать, невестой он себе мою двоюродную сестренку выбрал!

– А ничего что у него уже есть жена? – поинтересовался Архипов.

– Вот как ему исполнится тридцать пять лет, так и возьмет....

– А если жена ему наследника родит? Тогда новая невеста как? – не унимался этнограф.

– Э-э! Все равно. Шаману две жены положено, он уже дом для второй достраивает!

– Как бы первая не выгнала! – засмеялся Архипов.

– А ты, Ульген Ирбис, когда искать себе вторую жену будешь? – не унимался Василий.

– Поздравляю вас, коллега, – инспектор перешел на известный мне по камланию язык.

– Вот видите, какие неожиданные приключения от новой общественной должности, она у вас, кажется, называется – верховный шаман? – мне нравилась легкая ирония Архипова.

– От этой должности у меня голова кругом: то камлания, в которых я ничего не понимаю, зато правильно все делаю, то вот вторая жена, хотя первая мне по этому поводу такие ревнушки устраивает! С одной женой успеть бы управиться! – я поддержал ироничный тон инспектора.

– И все-таки придется подчиниться этому древнему обычаю, – Архипов вдруг перешел на древний язык, который я для краткости назвал – арийским.

– Пилота в полете должны сопровождать две женщины, это инструкция системы!

– Что это за система? И почему мы ей должны?! – с явным раздражением возразил я.

– Все поймете в процессе обучения, да и многие вещи, поступки людей – у вас будет совсем другое отношение к ним.

– А что, Василий, господин Николаев нас встречать не приехал? – Архипов перешел на русский язык.

– Э-э, господин Николаев совсем ведет себя не как господин! Вот заболела на дальнем отгоне женщина, так он взял двух врачей и поехал. Сам их повез, вы, говорит, лечение назначьте, а я посмотрю – правильно ли делаете!

– Так врачи и обидеться могут, почему посторонний в их дела лезет? – Архипов явно подзадоривал Василия на рассказ о своем шефе.

– Нет, нет, не будут! Они сами, когда что не видят, так Николаева зовут, не было случая, чтобы он ошибся! Наш верховный шаман, самый сильный, самый правильный! Вот Ульген Ирбис, хоть и младший, меньше Николая, но тоже очень сильный шаман! Татьяна рассказывала, что он тоже помогает людям!

– Татьяна – это жена, – пояснил я Архипову.

– Знаю я вашу Татьяну! И дочурку вашу тоже знаю! Вы, кажется, хотели сладостей и фруктов им купить?

– Да. Василий, вы не будете столь любезны, завезти нас в магазин – хочется побаловать домашних сладостями?

– Отчего не завезти? Завезу! Вот только за фруктами придется разворачиваться – они на оптовом рынке дешевле. Но это ничего, я тоже своим что –нибудь куплю. Сейчас вот в этом магазине купите конфеты, и торты здесь тоже все хорошие, а потом – за фруктами.

Положили в корзину несколько упаковок конфет, пару тортов – и на выход. Архипов без всякого интереса разглядывал полки в зале самообслуживания, слегка улыбнулся, когда я рассчитывался на кассе, и уже на выходе окликнул меня:

– Александр, пропустите вперед человека!

Смуглый мужчина в лиловом костюме невозмутимо катил впереди себя тележку, полную покупок. Чего там только не было! Мне бросились в глаза четыре бутылки вина, явно иностранного производства, таких в магазине я не видел.

– Вот тоже решил покупки сделать, не приезжать же мне в гости с пустыми руками!

– И эти вы тоже в магазине купили? – кивнул я на бутылки.

– Ну, каюсь, не покупал, – инспектор перешел на «арийский» язык. Нет у меня денег, да и пользоваться ими я не хочу. Там, откуда я прибыл, никто покупок не делает.

– Это как же вы без денег, без магазинов и без покупок живете?

– Пустая трата времени. Хотя у нас тоже есть парочка магазинов – это если кто пожелает пожить в стиле «ретро». А все, что нам нужно приобретем с помощью экспилитов, – и Архипов хлопнул ладонью по внутреннему карману своей спортивной курточки. Другие, более высокие технологии.

– А как же деньги? – усмехнулся я. – Это что вы банкиров да всяких кассиров обменников без работы оставили?

– Деньги, деньги... Они у нас только в музеях остались! Вы уже слышали о разработках в сфере нанотехнологий?

– Да, слышали. Думали даже внести некоторую сумму в перспективные разработки.

– Так вот: возьмем хотя бы яблоко, в сущности это всего лишь горстка пыли, воды и сахара! Полмиллиона нанороботов соберут его в структуру за пару минут, а так как большинство клеток всех фруктов состоит из схожих блоков, то имея в запасе неограниченное число структур из этих блоков, несколько тысяч роботов изготовят вам хоть яблоко, хоть картошку за пару секунд. Да что я вам объясняю, вы и сами будете иметь «волшебную палочку», кажется, так вы называете экспилит?

– Да, это так. Только вы сами сказали, чтобы я закрыл чтение своих мыслей, как оказалось, что вы снова читаете их?

– Да вы пока ещё простой человек, а сильные эмоции – сильные мысли! Вот когда расплачивались на кассе, то переживали, правильно ли кассир сосчитала сумму покупок. Да и все люди, те, что кругом, очень переживали за свои деньги. Почему?

– Потому что у нас нет вашей «волшебной палочки», и деньги у нас это мера нашего труда.

– Да, это порой так..., а порой и мера жадности, хитрости и тщеславия – мне показалось, что Архипов даже легонько вздохнул.

– Ну, вот и приехали, вон в долине наш поселок – Чулмыш! – Василий тронул рычаг скорости, и машина накатом стала спускаться с перевала в долину.

Не стану описывать встречу с родней, скажу, что она была радостной, хотя и немного тревожной. Ещё бы: я только уехал и через две недели вернулся назад.

Ужин прошел легко и весело. Пили вино, которое оказалось французским, выпуска 1990 года, Николай, подержав бутылку в руках, вопросительно взглянул на меня.

«Ещё не хватало ему обвинить меня в расточительстве!» – мысленно фыркнул я и показал глазами в сторону Архипова.

Брат пожал плечами: «Интересны причуды этнографов!».

А сам Архипов, весело смеясь, рассказывал какие-то истории из жизни амазонок. Татьяна, изредка поглядывая в нашу сторону, так же смеялась от души. Потом она вдруг стала серьезной и удивленно спросила Архипова:

– Василий Прокопович, вы рассказываете так, словно сами там были!

– Что вы Танечка, неужели я выгляжу таким старым? – и этнограф весело и задорно рассмеялся, мельком взглянул на меня.

Глаза его были чуть-чуть грустными.

– Что-то мы сегодня мало едим! – Николай встал из-за стола, – Угощу – ка я вас копченым мясом. Это не простое мясо, это марал. Только у нас на Алтае можно попробовать этот деликатес! – и взглядом поманил меня за собой.

– Пожалуй, я тоже выйду подышать свежим воздухом, – направился я следом за названным братом.

– Ты, Саня, где с Архиповым познакомился? – сходу задал он мне вопрос.

– В самолете. Наши места оказались рядом, а ты откуда знаешь этнографа?

– Да я его мало знаю. Это отец в прошлом году много путешествовал с ним, даже на Священной Горе были. Вот он и наказал мне оказывать содействие Архипову.

– На Священной Горе, теперь понятно....

– Брат, ты что-то знаешь?! – встревожился Николай, но умолк, услышав шаги.

На крыльцо к нам вышел Архипов.

– А что, братья, смолкли? Ночка вон, какая теплая и звездная! Да и Кассиопея повернулась краем к северу. Эх, и рвануть бы сейчас к звездам! Хоть напрямик к Кассиопее! Крайняя звездочка подмигивает, прямо зовет и манит! Желания посмотреть, что там, да как, не возникает?

Глава четырнадцатая

Утро в горах это нечто! Прохладный воздух, стекающий с горных вершин смешивается с теплым, заночевавшим у края долины. Туман стелется белой кисеей, клубится крутолобыми барашками у кромки гор, и, наконец, израненный лучами восходящего солнца, нехотя уползает в рошу, волоча за собой дымные хвосты. Воздух, до краев напоенный ароматом хвои, такой чистоты, что кажется, это не солнце освещает вершины гор, а сами они светятся от счастья, приветствуя всех и вся в это летнее утро!

Я шлепал босыми ногами по тропинке, пробегающей по огороду, к речке. Умыться холодной водой, которую щедро поставляли тающие в горах ледники, посидеть на скамеечке, помечтать неизвестно о чем под шум воды – разве может упустить городской житель такую роскошь?

Дойдя до реки и бросив полотенце на ветки ивы, я ногой боязливо потрогал воду. К моему удивлению, она была не столь уж и холодной. Раздеться, и взгромоздиться на крутой валун, было делом нескольких секунд. Что-то я забоялся прыгать в прозрачно – зеленую глубину омута: запротестовало тело, холодной казалась вода. Стал сползать постепенно, подвывая от восторга и прохлады речных струй. Все! Хватить пищать! Плюхнулся с головой в воду и поплыл к другому берегу. Уцепился за ветки, оттолкнулся ногами от толстого корня и поплыл обратно.

– Как водичка? Бодрит? – на валуне стоял Архипов.

«А дедок – то ничего, в спортивной форме! Мускулистый и жилистый, ни капельки жира....»

Инспектор Архипов, пружинно оттолкнулся от валуна, почти без всплеска вошел в воду и вынырнул почти у другого берега.

«Метров семнадцать будет, молодец наставник!» – похвалил я пловца.

Минут пять он плескался, нырял и фыркал от восторга.

– Как спалось – почивалось, в доме тёщи? – спросил он, выйдя из воды, и ловко поймав брошенное мной полотенце.

– Да прекрасно всё! – я энергичными движениями растирал озябшее тело.

Архипов легкими касаниями только промокнул капельки воды на своих плечах. В утреннем воздухе от его тела шёл легкий пар.

– А что, Саша, не подадите ли мне тапочки, знаете, неохота ноги песком пачкать. – Думаю, вы не в большой обиде, что я вас так назвал? Мое оправдание только в том, что я старше вас.

– Нет, не в обиде, даже немного приятно, повеяло чем-то домашним, детским. Да и по старшинству, вам это вполне допустимо.

– Как думаете, насколько я старше вас? – Архипов аккуратно разостлал полотенце на ветках.

– Думаю – вдвое, вам года пятьдесят четыре, максимум пятьдесят восемь!

– Ну, одну цифру вы точно угадали! А какой из моих возрастов вам интересен?

– Как понять какой? У человека только один возраст от рождения и до конца жизни.

– Э-э, не скажите! У любого индивида три возраста: первый – это срок его жизни, в паспорте просчитано, сколько раз за время пребывания его в этом мире планета Земля обернулась вокруг Солнца, второй – биологический, это сравнение его организма по шкале лет. И, наконец, третий, реальный. Сколько лет он пробыл на этой планете.

– А что – мы можем ещё жить на других планетах, это что космические путешествия?

– Не совсем космические, скорее путешествия во времени. Вот вы отмерили мне за пятьдесят, на самом деле мой биологический возраст – двадцать пять! Это я вам должен подавать тапочки, так как моложе вас на целых шесть лет! Если вы заглянете в мой паспорт, то там написано, что мне восемьдесят два года. На самом деле мне – сто восемьдесят три года! В тысяча восемьсот тридцать первом, в год моего рождения, Пушкину было тридцать два года и до смерти ещё шесть лет!

– Ого! Чуть пораньше бы вам родиться, и могли бы встретиться!

– Зачем пораньше, мы встречались с ним....

– С Пушкиным?! – слегка опешил я.

– Ага, с Александром Сергеевичем, через два года после моего дня рождения.

– Ну.... Что вы в два года могли помнить.... – разочарованно протянул я.

– Почему, мне не два года было, а сто двадцать, и беседовал я с ним не один раз. Первый раз – в тридцать третьем, второй раз – в тридцать девятом и последний в тысяча восемьсот сорок седьмом!

– Насколько мне не изменяет память, Пушкин умер от дуэльной раны в феврале тридцать седьмого! Значит, два раза вы встречались с ним на том свете?!

– На этом, Александр Петрович, на этом!

– Понятно: путешествие во времени, но только как это возможно? Человека то нет в живых?!

– А там мутная история! Поэты, они как? Тщеславны и гордыни в них через край! Вот добился Пушкин руки Натали Гончаровой, а сердца? Лестно было первой Петербургской красавице, ещё бы – жена знаменитости! Благovolит сам царь! Назначил камергером, а это возможность бывать при дворе, да что там! Обязанность! Постепенно прозрел наш поэт – видит запал на его жёнушку сам император российский! И дело идет к полной взаимности.... А носить рога, хоть и позолоченные, гордость не позволяет! Вот и стал тренироваться в стрельбе из пистолета. Только и охранка не дремала. Всесильный Бенкендорф, был большим, и заметьте, искренним поклонником творчества Пушкина! Сопоставив все донесения, понял: эти два человека живыми друг с другом не разойдутся. Вот и поставил поэта перед выбором, или жить в изгнании, или.... Да и публикации дальнейших работ были бы невозможны.... Или смерть! Правда, эта смерть мнимая! Похороны – фарс, гроб не вскрывать, в склепе так же никого не хоронить...

– Это слишком! У Пушкиных к тому времени было четверо детей, и Натали в нем души не чаяла! Пушкин мог в памфлетах так ославить монарха!

– Мог.... Да ничего он не мог! Вы не жили при абсолютной монархии! Там пойдя хоть чуть-чуть против царя и все – вход в высшее общество закрыт! Никто из издателей не осмелится даже строчки напечатать! И все: ты – общественный труп! Это с непомерно раздутым тщеславием Александра Сергеевича? Вот и была инсценирована сцена дуэли. Как тут не поверить всему этому царскому бомонду? Дантес, красавец, великолепный танцор, галантен донельзя, и Пушкин – чернявенький коротышка, на голову ниже Натали, а танцевать так на аркане не затынешь! Шеф жандармов знал, на каких струнах сыграть! Вот когда мы беседовали с Александром Сергеевичем первый раз, он немного жалел о случившемся, тосковал о России, но не так, чтобы очень, французский язык знал превосходно, да и муза повернулась к нему другим боком. Выдохся он в поэзии, ещё в России пробовать начал писать прозу: помните «Капитанскую дочку»? А вот во второй раз уже гордился славой писателя – и как не гордиться: более пятидесяти романов написал!

– Так почему мы не знаем этих произведений?! Почему не гордимся нашим не только поэтом, но и писателем?

– А как вы это представляете? Россия с болью и скорбью похоронила великого поэта, на черной речке оборвалась его жизнь, и вдруг француз, и вдруг возродился во Франции!

Посмотрите внимательно, куда был ранен Пушкин? Вот записки сведущего человека: «Пушкин был ранен в правую сторону живота, пуля, раздробив кость верхней части ноги у соединения с тазом, глубоко вошла в живот и там остановилась. ...» В любом случае рана привела к большой потере крови. По показаниям слуг, окровавленные тряпки выносили тазами. Столько крови просто нет в человеке! По показаниям одного врача, который за три рубля попросил слугу передать один из этих, так сказать, бинтов, так вот – кровь на нем была не человека, а животного!

– Здесь могла быть фальсификация: три рубля, в те времена, неплохие деньги для слуги!

– И тут я с вами согласен! А скажите, милейший Александр Петрович, с раной живота, и пулей внутри, как долго может прожить человек? Страдая и мучаясь? Да любой хирург вам скажет – шесть часов и шансы на жизнь будут равны тридцати процентам! А через двенадцать часов – смерть! Однозначно и бесповоротно! А Пушкин умер через сорок шесть часов после ранения! Причем, его рану дозволено было осмотреть трем врачам, а случайно оказавшийся доктор Шольц, тут же был вызван к шефу жандармов! Чего стоит визит доктора Арндта, имеющего чин придворного врача. Но вот похороны поэта – это просто отдельная детективная история!

Положили в гроб, который сопровождали близкий слуга и неизвестный человек, друзей не допустили, отпевали в церкви в закрытом гробу, затем ещё большая странность – повезли в Конюшенную церковь, А должны были отпевать в Исакии! Конюшенная церковь-то императорская! А вынос тела напоминал военную операцию: во главе – начальник штаба корпуса жандармов Дубельт и с ним два десятка жандармских чинов. По соседним дворам расставлены многочисленные пикеты. Список провожающих крайне ограничен. Гроб с телом покойного сопровождал Тургенев, вот что пишет он о случае, когда почтовая карета на дороге потеснила сани с гробом: «От резкого поворота ящик с телом покойного соскользнул в снег таким образом, что наполовину остался на санях. Возница спокойно поднял его и поместил обратно....» И это, заметьте, дубовый гроб, лежащий в просмоленном дубовом ящике! Выходит – он был пустой!

– Так что же на самом деле произошло с Пушкиным и, с какого боку тут французский писатель! – мне показалось, что наша дискуссия хоть и затянулась, однако имела какой-то пусть и непонятный для меня смысл.

– А-а! Вот тут и кроется главный смысл! Чтобы жить, так как хотел этого поэт, ему нужно было исчезнуть! Бенкендорф не зря ел казённый хлеб! Все, что связано с дуэлью и самой смертью Пушкина – миф, выдумка, если хотите – мыльный пузырь! Шестого февраля, в монастыре, хоронили вовсе не Пушкина, еще третьего февраля он пересек границу Польши, а уже десятого был во Франции, где поселился рядом со скромным человечком, писавшим небольшие заметки в газетах и опубликовавшем два сравнительно сереньких романа. И вдруг за тринадцать лет такой взрыв, подряд почти двадцать нашумевших романов. Затем – поездка в Россию. Петербург, Кавказ, везде встречи, фурор, а главное: за почти годовое путешествие – три романа! И это в дороге и в пирушках?! А так, вы спросите, имя этого писателя? Извольте – Александр Дюма!

– Быть не может! Это проверить просто – на камзоле, в музее Пушкина, есть его кровь. Генетический анализ и сравнение с кровью родственников сразу выявят истину!

Архипов загадочно улыбнулся, встал со скамейки, где мы сидели, и внимательно поглядев на меня, сказал:

– А вот этого от вас я и добивался: ваши способности к нахождению быстрого решения в любых сомнениях приведут вас к резкому повороту в вашей судьбе. А что касается крови, то не сомневайтесь – она подлинная! Не зря же я встречался с ним в одна тысяча восемьсот сороковом году!

Глава пятнадцатая

– Вот вы где! – Николаев окликнул нас, подойдя к кромке воды. – Как вода? Не холодная?

– Что вы, Николай, мы с вашим братом так чудесно поплавали! Вот помню когда я купался в Ледовитом океане, – вот там водичка была попрохладней! – Архипов весело и заразительно рассмеялся.

Меня сильно удивляла его привычка вот так радоваться жизни. Так себя вести может только тот человек, у которого нет никаких проблем в жизни.

– Послушайте, господа – товарищи, ладно четыре бутылки французского «Мерсо», каждая из которых стоит что моя корова, это я понимаю, но вот камчатские крабы... Их отродясь не продавали в наших магазинах! Это кто же такой у нас щедро-расточительный?

– Это все Василий Прокопович, его идея устроить праздник жизни.

– Не будем тратить время по пустякам, и обращать внимания на мелочи, которые скрашивают минуты нашего бытия! Давайте позавтракаем и поднимемся на Священную Гору. Когда мы, с твоим Николай, отцом, великим шаманом Кутту Алосу, посещали это место, то на скалах я видел чудесные петроглифы! Им, по крайней мере, больше десяти тысяч лет! Хочу сделать ряд фотографий. Как, братья, настроение, составите мне компанию?

– Сколько раз был на горе, а никаких рисунков на камнях не видел... – слегка обиженным голосом оправдался Николай.

– Тем более, нужно сделать копии, а то всесильное время сотрет их! – Архипов закинул на плечо полотенце.

– Давайте тогда сразу, после завтрака, у меня есть пара часов, до ущелья доедем на машине, а там и пешком недалеко. Вы с Александром можете остаться на горе подольше, а мне надо заехать на пасеку, узнать, как там дела, и потом я заберу вас на обратном пути.

– Договорились! Кто знает, – Архипов вдруг перешел на арийский, – какой путь прямой, а какой обратный!

– Это вы на каком языке сейчас говорили? – полюбопытствовал Николай.

– На древне индийском, – инспектор Архипов, присев на корточки рассматривал что-то на грядке с огуречными ростками, – лето вот-вот скоро разгорится в полную силу.

– Станный язык, такой знакомый, словно когда-то давно говорил на нем, а потом забыл...

– Идемте, женщины на завтрак заждались, все решали, где гостей кормить, у меня или в доме тещи, так блины перевесили – угодить зятю старалась, – поторопил Николай.

Блины удались на славу, особенно когда Архипов вдруг с досадой легонько хлопнув себя по лбу, воскликнул: – Совсем забыл, а к блинам полагается вот это! – и вынул из коробки с покупками три банки икры. – Склероз, наверное...

Все присутствующие просто заплодировали такой «забывчивости». Я только улыбнулся, так как никакой икры в коробке не было и в помине.

– Александр, а можно и мне с вами на Священную Гору? – Татьяна явно хотела пойти с нами.

– Что вы, Танечка, мы там долго работать будем, вот Александр любезно согласился помочь мне провести масштабную съемку наскальных рисунков, а это часов пять времени займет.

– Ну, нет, так нет, – вдруг необычайно охотно согласилась моя супруга, хотя в другое время она всегда не упускала возможности побыть со мной.

Собрались быстро, на машине до входа в ущелье, ведущее к Священной Горе, ходу минут десять.

– Ты надеюсь, не собираешься показывать Архипову пещеру? – шепотом спросил я у Николая.

– Нет. Пусть ползает часик по горе, устанет, спуститесь к ручью, там я вас и подберу.

– Такой устанет.... Вон, гляди, что-то выцеливает фотоаппаратом.

– Ладно, идем, я провожу вас до вершины, а там сами прогуляетесь.

За беседой о красотах здешних мест мы незаметно добрались почти до вершины.

– А вот и скалы, где-то здесь должны быть рисунки, – Архипов повесил фотоаппарат себе на грудь.

– Нет здесь никаких рисунков, я сто раз облазил эти скалы, нашел бы их точно!

– А мы сейчас подсветим себе вот этим фонариком! – в руках Архипова оказалась его пластмассовая «волшебная палочка»

Мне интересно было смотреть на Николая: как изменилось выражение его лица, когда по сигналу инспектора, открылся тоннель входа внутрь Священной Горы.

– Прошу Вас, коллеги, добро пожаловать, там и рисунки посмотрим....

– Коллеги?! Кто вы господин этнограф? – Николай еле опомнился от изумления.

– А это, брат, что-то вроде инспекции по наши души, – оповестил я его.

– Санья, так ты все знал с самого начала?! И ничего не сказал?

– Не нужно обижаться на брата, это по моей просьбе он хранил мое инкогнито, – Архипов направился вглубь горы, мы последовали за ним.

Он стоял возле отца, внимательно вглядываясь в его лицо.

– Великий человек был, шаман Кутту Алосу, добрая ему память, и заместников славных себе подобрал. Вот два сына, два достойных пилота. Ладно, давайте ваши вопросы обсудим, а то слышу: мысли в головах прямо мозг проплавили.

– Первое: я не ваш начальник и не проверяющий, да и не надзирающий. Я здесь для того, чтобы вы прошли обучение, да и система здоровьем вашим интересуется.

– Вам, Александр, отвечу, что такое система, это сродни компьютеру, только немислимо огромной мощности. Планета Земля – это живой организм, конечно не белковой формы жизни, а кремниевой. Вода – это и есть мозг планеты, а все вместе – система.

– Скучно сообщать вам, товарищи пилоты, что человек всего лишь творение этой системы, и грустно признаться, что и другие планеты используют ваши жизни, эмоции, переживания и даже смерти, для удовлетворения своих эмоциональных амбиций. Кино – вот что вы для них, или что-то вроде компьютерной игры. Только вот стали вы, человечество, выпрягаться из условий игры! Расплодилось неисчислимо, да и технически возмужали. Приходит время почиститься нашей доброй старушке – планете. Встряхнуть, так сказать, «шкурку» – блошек много развелось.

– Да не расстраивайтесь вы так, Николай, – прервал свое собеседование Архипов – Вы-то гарантированно спасетесь и выполните свою миссию: спасете немало нужных людей, которые легко восстановят более разумную цивилизацию.

– Послушайте, коллега, – мне послышалась небольшая ирония в словах Николая, – а нельзя ли договориться с этой самой системой и не губить цивилизацию, а, так сказать, заключить взаимовыгодный договор и действовать в интересах всех сторон?

– С системой вы не договоритесь: ведь только в солнечной группе в неё входит более девяноста планет....

– Да, да, Александр, не изумляйтесь, – инспектор-наставник Архипов развернулся ко мне, видно почувствовав мое недоумение, – более девяноста планет! А это свои характеры, привычки и даже капризы, если хотите! Просто одна планета служит базой для жизни многих других.

– Вот Земля – это дом для пяти планет – две живут на некоторое время вперед, две парой, тройкой, суток назад. Придет время – и вы сможете посетить и эти планеты.

– Все, ребята последний вопрос и за учебу.

– Так, Николай, шаманы нужны для того, чтобы простые люди могли пойти за ними, веря и зная об их чудесных способностях, а их у вас предостаточно! Да что там, старик Хоттабыч обзавидовался бы вашим возможностям!

– Вот смотрите, одно из них – Архипов навел экспилит на стену – поверхность её вспенилась, словно под каплями дождя и исчезла, обнажив гладкую матовую поверхность.

– Прошу пилотов на борт звездолета класса АЗ, спасателя типа «Ковчег»!

Мы шагнули на ровный, казалось, чуть пружинящий пол. Мягкий, но достаточно яркий свет падал с потолка, короткий коридор вывел в комнату со скошенными углами.

– Присаживайтесь, – повел ладонью наш наставник – возникли два легких кресла, которые сразу приняли форму наших тел. Черта по воздуху – появился экран с разноцветными символами и чем-то отдаленно напоминающими графиками.

– Так, займемся вашим здоровьем, не волнуйтесь, это что-то вроде томографа, – успокоил он нас, когда две легкие пластинки повисли над нами, а кресла приняли форму кушеток.

– Сейчас проводится сканирование ваших органов, потом в кровеносные сосуды будут введены нанороботы: они будут запрограммированы на ремонт и обслуживание вас изнутри.

– А вот с этими «товарищами» вы уже встречались....

Появились две знакомые по похоронам отца огненные «медузы». Прямо через кресло – лежанку они протянули к позвоночнику гибкие щупальца, по два к голове. Возникло ощущение приятного тепла и легкой неги. В голове, словно в трубке калейдоскопа, замелькали разноцветные картинки. Возник шум в ушах и ощущение сонливости.

– Ну, вот и все, прошу встать, – я узнал голос Архипова.

«Этнограф, или все-таки наставник?» – мысли вернулись ко мне вместе с легкостью мышц и бодростью духа. Я опустил ноги со своей кушетки на пол.

«Мать честная!» – Архипов предстал перед нами в полном парадном одеянии капитана – звездолетчика первого класса. Идеально подогнанный костюм, глубокого синего цвета, с нашивками и знаками регалий. На поясе платинового плетения висел традиционный кортик. Впрочем, кортиком его назвать было сложно, это был довольно мощный бластер, стилизованный под холодное оружие. Кокарду фуражки венчал традиционный «краб» эмблема звездного флота – галактика, перечеркнутая зигзагом следа входа звездолета в гиперпространство.

«Интересно, а откуда я все это знаю?» – мелькнула у меня мысль.

«А вот откуда» – на мне, как впрочем, и на Николае, был точно такой же костюм, только мы были младше по званию, чем капитан – командор, Архипов.

– Добро пожаловать в состав звездного флота системы!

Мы вытянулись в струнку.

– Николаев Николай Николаевич, вы прошли пятнадцатидневный курс программы межзвездных пилотов. Вам вручается кортик и именной экспилит.

– Служу системе! – брат чеканным шагом подошел к командору и принял кортик и «волшебную палочку»

– Холмин Александр Петрович, вы прошли пятнадцатидневный курс программы межзвездных пилотов. Вам вручается кортик и именной экспилит.

– Служу системе! – я послушно проделал те же операции что и мой брат.

– Прошу пилотов в рубку управления кораблем, – командор указал на дверь в стене.

Рубка звездолета оказалась довольно маленькой комнатой.

– Первый пилот управление принял, – Николай сел в кресло, отдаленно напоминающее кресло в зубном кабинете.

– Второй пилот управление принял, – отпортовал я, усаживаясь в кресло управления.

Мгновенно по нашим мысленным командам, в пространстве развернулись громадные экраны, замелькали символы, картинки и цифры. Это были доклады о готовности систем корабля.

– Вот так когда-то и вы отдадите приказ покинуть планету Земля! Всё, товарищи пилоты, нам пора, приближается время выхода в точку пространства и времени, иначе, как вы объясните, где были пятнадцать суток?

УАЗик трясло на проселочной дороге, я смотрел на выцветшую штормовку Архипова и думал о том, что произошло с нами несколько минут назад. Впрочем, минут ли? Мой мозг каким-то непостижимым образом знал о свойствах времени и пространства, энергия и вещество мне были подвластны и понятны.

– А что, братья, не махнуть ли нам сплавом по Бии? – полуобернулся ко мне Архипов, – Нам теперь, все можно!

– Махнем, – отозвался Николай, – только вот наши нас потеряли на три часа, а мы их – на полмесяца! Вы как хотите, а я соскучился!

– Да и я тоже!

– Тогда, домой, домой! – заторопил этнограф.

Тёща только удивленно захлопала глазами, когда я чуть ли не бегом проскочил мимо неё, бросив на бегу: «Здрассте...» Ворвался в дом, схватил в объятья жену, закружил по комнате.

– Саша, ты чего? Такой радостный и встревоженный! Давай отпусти меня, вон мы с дочкой пытаемся научиться играть на пианино.

– Да, что тут учиться! – какой-то задор и хмельная удаль переполняли меня. – Нажимай нужные клавиши в нужное время – вот и вся музыка!

– Ты так никогда не говорил, что с тобой? – жена смотрела на меня с тревогой.

– А давай я тебе сыграю! – предложил ей я.

– Ты же никогда даже крышку пианино не открывал....

Я, сел, крутнулся на стульчике, подгоняя высоту, положил руки на клавиши и, чуть помедлив, взял первый аккорд. Легкая, чуть грустная мелодия возникла, словно ниоткуда, заполнила комнату и улетела в открытое окно.

– Это «Мелодия осеннего дождя», Лист, кажется, написал..., – словно оправдываясь, сказал я Татьяне.

– Ты же не умел играть или скрывал это от меня? – она изумленно смотрела на меня.

– Теперь я умею и могу! Теперь – я все могу!!!

Глава шестнадцатая

К вечеру стало душно – сгустились тучи. Быть грозе. Я смотрел из окна кабинета вниз на площадку перед офисом. Все никак не привыкну к этим иностранным словечкам! Нет, просто сказать – контора, так все туда же – офис – с!

Таких свободных минуточек выпадало мне немного. Вот и сейчас образовалась некоторая пауза в череде бесконечных дел генерального директора автозавода. Десять минут назад закончилось совещание по секретному дизайну автомобиля будущего. Начальник службы безопасности Сергей Филиппович, которого мы за глаза называли – «Филиппок», рвал и метал, требовал усилить степень секретности экспериментального цеха. Видите ли, у него данные: активизировалась служба разведки двух автоконцернов, причем в направлении российских разработок. Привлекли их необычайно быстрые темпы строительства нашего завода, да ещё то, что мы разместили за границей несколько проектов на разработку новых узлов и агрегатов.

А то! Денежки мы им проплатили немалые!

Но не это меня беспокоило. Ровно через десять минут должен был прийти Алексей и мне предстоял непростой разговор с ним. Двадцать дней назад загрузил я его более чем странным заданием, Лёшка даже головой помотал от изумления – что за причуды у генерального?

Потребовал я от него не много не мало – разработать систему защиты от чтения мыслей человека. Лёшка, в изумлении, только и мог сказать:

– Да чего мелочиться! Сразу давайте разработаем и прибор для чтения мыслей!

Только увидев мой укоризненный взгляд, бросил свои шуточки и остался для выяснения дополнительных вопросов. Решили мы с ним, что откомандирует он парочку своих толковых ребят в институт мозга, в Москву, пусть помогут выяснить, что и как читают экстрасенсы всех мастей.

Дело запуталось ещё больше, и тогда пошли проверенным способом: хочешь что – нибудь спрятать – положи на видное место! Решили: излучения мозга человека не глушить, а замаскировать под похожие излучения.

Так сказать, создать «белый шум», кто не знает – это такой ровный шум, словно шум дождя, в котором вязнут и маскируются другие звуки.

Проверили на мне, для этого я продемонстрировал ему чтение мыслей. Ох, и изумился же он! Записал свои мысли на листок бумаги, а пока записывал, я быстренько написал его «мысль» у себя в блокноте.

Я смеялся, видя, как округлились Лёшкины глаза, когда сравнивал он две записи. А все просто: я настроил у себя в мозгу центр управления правой рукой на его сигналы. И он не мог понять: как это две одинаковые записи могут быть на разных листах?

Два дня назад снова испытали мы эту «глушилку», все равно что-то можно было разобрать. Алексей расстроился, я его успокоил, предложив имитировать излучения спящего человека.

Наш программист ушел, доволен собой, – ещё бы это по его части: создать программу для своего прибора. Он даже название ему дал – «обруч». Да и сам прибор был довольно прост. Плоский массивный обруч из латуни, который надевался на голову человека. Он был и антенна излучателя, и футляр для электронной начинки.

– Александр Петрович, к вам Никифоров, – голосом секретарши проснулся селектор.

– Пригласите, – откликнулся я, прервав свои мысли.

Появился Алексей, по его сияющей, словно новенькая монета, физиономии, понятно было, что эти два дня прошли не напрасно.

– Петрович! У нас получилось! – он выгреб из простого полиэтиленового пакета два обруча и, подумав, извлек ещё два.

– Почему четыре? Договаривались сделать два, – вопросительно взглянул я на него.

– Да тут такое дело. Заготовок сделали много, варианты прорабатывали, так, пока мы тестировали два, Артемка слепил лишние обручи – вот так и появились две пары. Мы додумались: если включить один излучатель, то при правильной настройке второй будет резонировать – и дело пошло!

– Давай теперь вживую протестируем, только голова устала, просто загадай одно и то же число, а потом его же с защитой твоим обручем я попытаюсь угадать.

– Хорошо, – Лёха не был оригинальным, сходу загадал – «13». Торжествуя, надел обруч, и вместо мыслеобразов стоящего передо мной человека, в голове у меня заметалось что-то непонятное.

– Работает нормально, молодцы! – похвалил я создателей прибора.

– У нас немного времени, почти конец рабочего дня, Алексей, ты посиди, вон журнальчики полистай, а я вызову нужных людей – пощелкав кнопками селектора, я пригласил начальника охраны, немало озадачив его просьбой взять с собой ещё кого-то.

– Артема Барина попросите немедленно пройти в кабинет гендиректора – представляю какое изумление, вызвал мой звонок в отделе электроники.

– Петрович, ты что?! – изумился Лёшка. – Да если он виноват, так я сам его так пропесочу, что мало не покажется!

– Не надо никого песочить, в дальнейшем тебе помощник понадобится, – остановил я его.

– Ирина, появятся начальник охраны и сотрудник отдела электроники Баринов, немедленно ко мне. Вы заканчивайте все дела и свободны, – отпустил я секретаршу.

– Александр Петрович, можно я уйду к девчонкам из бухгалтерии?

– Можно, только зайдите ко мне и заберите подарок от меня Галине Юрьевне.

Я достал из стола свой экспилит, моя мысль мгновенно активировала базу информационных матриц, и по запросу нашла роскошный букет роз и почти полуметровое резное деревянное блюдо, полное тропических фруктов.

Я, усмехнувшись, наблюдал, как у Лёшки от изумления выпал журнал из рук....

Ещё бы! А вы чтобы почувствовали, когда прямо из воздуха возникли розы с капельками росы на лепестках и гора фруктов на пустом полированном столе?

– Петрович, это что фокус?! – Алексей осторожно дотронулся до цветка.

– Лёшка, сегодня вечер фокусов и чудес! Давай, приходи в себя, нам ещё понадобится твой аналитический ум!

В двери протиснулся «Филиппок» и ещё два сотрудника охраны, сзади их робко мялся программист Баринов.

– Александр Петрович, я за подарком, – выпорхнула вперед Ирина.

– Ого! Вот это букет! Да они прямо, как только что сорванные! – изумилась она цветам.

– Ага! А вот и фрукты, прямо из тропиков, тоже только что сорванные, – к Лёшке вернулось чувство юмора.

– Сергей Филиппович, отдайте распоряжение своим сотрудникам, чтобы нас никто не мог побеспокоить во время нашего совещания, и возвращайтесь сами в кабинет. Да, и помогите Ирине, справиться с подарками для именинницы.

Сотрудники охраны забрали фрукты и букет у секретарши и вышли. Артем неловко переминался у двери.

– Проходите и присаживайтесь, Артем Генрихович – пригласил я его.

– Спасибо, – он робко присел на край стула, но, увидев успокаивающий жест своего начальника, устроился удобней.

«Ещё бы, – усмехнулся я про себя, – не каждый может похвастаться тем, что побывал в кабинете гендиректора».

Про мой кабинет среди сотрудников постоянно ходили легенды. Кто утверждал, что у меня даже телефон отделан золотом, и я каждый день говорю с самим президентом, а кто, с азартом, рассказывал о неслыханной отделке этого помещения. Какое же разочарование ждало всех, кто впервые попадал в мой кабинет! Он был прост и даже беден по сравнению с другими, да вон хоть у начальника охраны посмотрите! Единственное, что как-то отличало его, так это уникальный в своей роскоши стол и двенадцать стульев, сработанных искуснейшим резчиком из алтайского кедра.

– Охрана на месте, – доложил Сергей Филиппович, плотно закрывая за собой двери.

– Как давно проверялся мой кабинет на предмет прослушки? – «Филиппок» даже подскочил от изумления.

– Точно по графику и, после активизации по шпионажу, каждое утро! – доложил он.

– Проверьте сейчас ещё раз, – попросил я его, зная, что он не расстанется со специальным прибором.

Сергей Филиппович с обиженным лицом стал обходить кабинет. Прибор слабо попискивал, реагируя на металл.

– Алексей, выдерни разъем селектора и телефонов.

– Ого, вот это секретность! – Лёшка проворно открыл панель и вынул из гнезд разъемы.

– Если вы, все присутствующие здесь что-либо слышали о наивысшей степени секретности, то наше совещание будет иметь её на порядок выше! Поэтому предлагаю оценить опасность, которой подвергаетесь не только вы, но и ваши близкие и родные.... Но и, в случае бездействия, ещё большая опасность угрожает всем нам. Вы должны принять решение: остаться и, услышав все, попытаться помочь мне, и тогда мы вместе то-то сможем изменить, либо просто: встать и уйти! Мое мнение и отношение к вам от этого не изменятся!

Я посмотрел на Сергея Филипповича.

– Да ты что, Петрович?! – он даже задохнулся от недоумения – Когда я предавал тебя?!

– Спасибо, Сергей Филиппович!

– Да я хоть к черту на рога! – подскочил Лёшка, – Мы с тобой, Петрович, вместе столько дел переделали, так что с того? Ещё одно сделаем!

– А вот насчет – чёрта, так это, Лёша, в прямом смысле понимай! – я глянул на Артема.

– Я, я, – замялся программист, – А можно я. как Алексей Сергеевич?

– Можно! – рассмеялся я, обстановка немного разрядилась.

– Тогда начнем....

Я снова взял в руки экспилит, заметив, как оживился Лёшка.

На столе мгновенно возникла бутылка коньяка. Четко, словно солдаты на параде, одна за другой в полной тишине появились рюмки с изящным узором и тонкими ножками.

– И, пожалуй, вот это – картинно взмахнув «волшебной палочкой», я явил взору присутствующих небольшое блюдо, полное лимонов, рядом с которым возникла серебряная сахарница с позолоченной ложечкой и тонкий нож. Ну, видел я такие, когда смотрел королевские апартаменты в Лувре!

– Ты что, фею ограбил? – Лёха как всегда был на вершине острот.

– А мне дашь палочкой помахать? – он осторожно прикоснулся к экспилиту.

– Да сколько угодно! – передал я ему прибор.

– Хочу бутерброд, с маслом и колбасой, да колбаса пусть будет потолще! – он нарисовал в воздухе сложный зигзаг, словно пытаясь обозначить толщину колбасы.

Все воззрились на стол. Ничего!

– Не работает, может нужно махать справа налево? – осведомился он у меня.

– Это бесполезно! – остановил я его. – Прибор настроен только на меня, в других руках это просто кусок пластмассы!

– Да, удивил, так удивил! Я теперь, наверное, не одному фокусу не буду изумляться! И как тебе это удастся? Кстати, а коньяк то с 1900 года! Ты знаешь, сколько стоит такая бутылка? – Сергей Филиппович, крутил в руках слегка запотевшую бутылку. – Да ещё и холодная, в такую-то жару!

– Давай, Петрович, наливай, я лимончики порежу, кстати, изволь наколдовать Алексею колбасы, кушать парень хочет!

Блестящий поднос с толстым батоном полу копченой колбасы, рядом розетка с маслом и круглый каравай, на котором сверху вился узор из колосьев, возникли на краю стола.

Мне даже немного жалко стало Артема: после всех появлений этих вещей у него возникло такое изумление, словно он, наконец-то, нашел давно потерянную любимую игрушку.

Один Лёшка с азартом резал свою колбасу, хлеб и, соорудив немалых размеров бутерброд, протянул его Артему.

– Кто ещё желает? – невозмутимо осведомился он, намазывая для себя ломоть хлеба.

– Да ты сам кушай, – «Филиппок», рассмотрев рюмку с коньяком на свет, осторожно пригубив жидкость, изрёк:

– Очень даже неплохой фокус и коньяк отменный, а с чего пьянка на рабочем месте?

– До пьянки, думаю, дело не дойдет, в вот сознание для лучшего восприятия подготовить неплохо! – я поднял свою рюмку и, отхлебнув глоток обжигающей жидкости, поставил её на место.

– Прошу всех присутствующих надеть на голову, вот эти приборы. Алексей, как они включаются?

– Автоматически, мы туда тепловой датчик встроили, он практически мгновенно улавливает тепло тела.

– Понятно, у нас один начальник охраны не в курсе назначения этого прибора, это средство для экранизации излучения мозга и, значит, не позволит читать ваши мысли никому и нечему.

– А что, уже мысли считывать могут? – «Филиппок» с некоторым замешательством водрузил себе на голову обруч.

– Могут и даже обязательно это делают! У всех и каждого! – буквально добил его я ответом.

– Но не за этим я пригласил вас! Только что вы видели, какие возможности имеет прибор, который находится в моем распоряжении. Сразу скажу – такое устройство невозможно изготовить ни в одной лаборатории мира, да и вряд ли будет возможно в течение ближайших пару – тройку тысячелетий! Как он попал ко мне? Это особая история....

– Начну, пожалуй, с самого главного – как вы относитесь к идее бога? Нет, не того изображения, что висит в каждой церкви, и не той идеи, на базе которой держится вся религия, а теории бога, как высшего существа, управляющего нами?

– Так я всегда говорил, что есть высшие силы, которые управляют человечеством! – Лёшка торопливо закончил жевать свой бутерброд, и, покосившись на оставшийся кусок колбасы, счел благоразумным послушать меня.

– А я и в церковь заглядываю, свечку там поставить, или на пасху – супруга зазовет, – Сергей Филиппович, прекратил крутить в руках рюмку и поставил её на стол.

– Итак, мои способности и мое могущество сродни возможностям бога, да, да! – подтвердил я, видя некоторую иронию на лицах присутствующих.

– Только мы их не будем ни обсуждать, ни лишний раз демонстрировать. И только потому, что и надо мной, как и над вами, есть более могущественная субстанция, назовем её так – система.

– В отношении любой деятельности людей, как и их жизней, система – бог, царь и палач одновременно. Мы все живем по её законам, прихотям и причудам, она везде, всегда, неуловима и не видима. Сегодня я собрал вас, чтобы не только пойти против системы, но и, используя её могущество, попытаться переделать её законы и её принципы.

Я выдержал паузу – просто взял тонкий ломтик лимона и, посыпав его сахаром, положил себе в рот.

– Люблю вот так, – с кожурой, – откликнулся на немой вопрос Алексея.

– Да нет, я не про это! Все свалилось как-то сразу, просто не все осознаешь, а система – это что? Или её нельзя увидеть?

– Почему? Очень даже можно увидеть, часть её даже можно попинать ногами, если есть желание – потрогать руками. Система – это сложный природный комплекс, а проще – это три группы планет нашей солнечной системы. В том числе – и наша матушка Земля!

– Э-э! Да я вижу, вы подозреваете, что у генерального крыша совсем поехала! Давайте сделаем перерыв и приведем свои мысли в порядок, да и программисты на колбасу посматривают!

– Нет, нет! Мы тебе верим! Вот только я сомневаюсь: а вдруг колбаса исчезнет, и я останусь голодным? – Лёшка потянулся за ножом.

– Допустим, что мы сильно зависим от нашей планеты, это так! Но – только от её ресурсов! А вот чтобы ей управлять нами, так это как-то не верится! – Сергей Филиппович осторожно налил в рюмки коньяк. – Давайте выпьем за здоровье, как наше, так и матушки нашей Земли!

Глава семнадцатая

Выпили, не спеша закусили лимончиком, со стороны мы выглядели просто по идиотски: сидим, потягиваем коньячок, беседуем ни о чем, натянув на головы блестящие обручи.

Все, сомнений у меня не осталось! Назад дороги, как у меня, так и у них нет.

– Позвольте прочесть вам небольшую лекцию, так сказать основ материи и жизни!

– Как вам всем отлично известно, в основе органической жизни лежит углерод, четырехвалентный элемент таблицы Менделеева. Там же вы можете найти и четырехвалентный кремний. Как будет выглядеть жизнь на основе кремния, если она есть во вселенной? Да вот так и будет выглядеть как все планеты нашей солнечной системы! Только в отличие от нашей, углеродной жизни, кремневой не страшны ни сверхнизкие температуры космоса, ни жар вулканической лавы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.